Российская Коммунистическая Партия (большевиков).

Пролетарии всех стран соединяйтесь!

ПРАВДА

Орган Центральн. Ком. и Московск. Ком. Р. К. П. (большевиков).

РЕДАКЦИЯ: Москва, Тверская, 48. * ГЛАВНАЯ КОНТОРА: Москва, Ваганьковский пер., 5.

Прием по делам редакции: ежедневно, кроме праздничных дней, с 5 до 7 час. вечера.
Телефоны: Телефонограммы 5-72-90. Общий 2-48-48. Секретаря редакции 4-01-92. Ночной редакции 4-58-64 и прямой провод [illegible] Кремль.

ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ ПРИНИМАЕТСЯ во всех губернских, уездных и других отделениях ЦЕНТРОПЕЧАТИ на всей территории Р. С. Ф. С. Р. только от учреждений и организаций.
Контора открыта ежедневно, кроме праздников, от 10 ч. утра до 4 ч. дня. Телефон н-ры: 3-35-13, 4-48-47.

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

№ 160. Суббота 23 июля 1921 г. ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА. № 160.

Поволжье—житница России.
Спасти Поволжье от разоренья—долг всех рабочих, всех крестьян, всех честных людей.
Что не помогает голодным, тот роет им яму-могилу. Кто роет им яму, тот может попасть в нее сам.

Нужна всенародная помощь.

Около десяти миллионов крестьян восточных губерний Европейской России голодают. Голодают те, которые в 1918 и 1919 годах своим хлебом спасли север, центральные губернии и столицы.

В 1920 году у них был урожай ниже среднего, но общий плохой урожай по всей России заставил взять с них разверстку.

Полный неурожай в 1921 году жестоко отзовется не только на хозяйственном благосостоянии неурожайных губерний. Если в борьбе с надвинувшимся бедствием не примут участие огромные народные массы сравнительно благополучных по урожаю губерний, то тысячи крестьянских семей: русских, башкир, татар, с большими страданиями перемрут.

Когда идет война, правительство принудительно берет хлеб у имущих и кормит армию, да не только у имущих, а делит кусок рядового крестьянина, который сам нуждается в хлебе. Неурожай и порожденный им голод не меньшее бедствие, чем война. Здесь умирают не сильные физически и духовно бойцы,—вымирает весь народ, начиная со слабого: сначала мрут дети, старики, а потом, изнемогая в муках голода, мрет и здоровый человек.

Каждый из нас должен задать себе вопрос: можно ли бороться с таким бедствием? Хватит ли у нас сил и материальных средств, если не для того, чтобы уничтожить совсем бедствие, то насколько возможно уменьшить его остроту?

Преуменьшать размеры трудностей, которые стоят перед нами, мы не будем; мы стоим перед бедствием, которое полностью победить мы не в состоянии. Несомненно, часть полей останется незасеянной, некоторый процент хозяйств подвергнется разорению и уничтожению; особенно неприспособившиеся люди будут заболевать и умирать,—бедствие косит, прежде всего, слабых.

Но если несчастье настолько велико, что полностью его устранить невозможно, то тем более недопустимо было бы, если бы мы сложили руки и без борьбы уступили поле сражения. В моменты катастрофы спокойствие, хладнокровие, сосредоточение сил на самых опасных местах наполовину парализуют катастрофу.

Когда мы начинаем спокойно разбирать размеры настоящего неурожая, подсчитывать наши ресурсы по борьбе с ним, мы должны констатировать, что размер неурожая 21 года не больше, чем 20 года: количество урожая всех хлебов по всей Советской федерации в текущем году, судя по сводкам и более или менее проверенным сведениям, миллионов на двести больше, чем в прошлом году. И, однако, бедствие текущего года несравненно более жестоко, чем в прошлом году,—оно не только более жестоко, но несет в себе гораздо большие опасность, чем в 20 году.

В прошлом году на огромной территории Р. С. Ф. С. Р. был плохой урожай. Только небольшое количество голодающих уездов могло быть снабжено государством. Места с плохим урожаем, естественно, в целях самосохранения, стремились собственными средствами засеять поля. И в результате, голодающие губернии, как Калужская, часть Тульской губернии, Орловская, не выделяются большим процентом незасеянных полей, хотя они числились в числе губерний, подлежащих срочной помощи комиссии ВЦИК.

В настоящем году урожай распределяется весьма неравномерно. Расположение урожайных мест неблагоприятно для борьбы с голодом. Во-первых, огромная по пространству территория севера и центральные губернии при самом хорошем урожае много излишков дать не могут; хороший урожай западной Украины также не может быть хорошо использован в виду слабости аппарата компрода в этих местах. По той же причине и в Туркестане, Кубани, Алтае хороший урожай не может быть рационально использован, не говоря уже о крайней отдаленности этих мест.

Наоборот, полный неурожай постиг как раз губернии, где аппарат компрода силен: Саратовскую, Самарскую, Казанскую, Симбирскую, Уфимскую,—губернии, которые давали до половины государственной разверстки. Наконец, сама территория неурожая очень обширна: с востока на запад она местами распространяется более чем на пятьсот верст, а с юга на север не менее полуторы тысяч верст. Все это сильно затрудняет борьбу с голодом, требует массового ввоза хлеба. Крестьяне не могут собственными средствами как получить хлеб и семена, так и провезти их,—они вынуждены обращаться к помощи извне. Каждому ясно, что самарский крестьянин или казанский трудовой татарин не в силах ехать за хлебом в Туркестан или Кубань: во-первых, у него нет столько денег, чтобы заплатить вольные цены за хлеб, а если бы и были, то железные дороги неизбежно приостановились бы от массового беспорядочного наплыва пассажиров с грузами.

И поэтому вся тяжесть работы выпадает на государство, оно должно собрать миллионы пудов хлеба, чтобы прокормить голодающих крестьян, и тут же перед государством стоит вопрос, который неумолимо должен быть решен: это—засеять поля неурожайных губерний, для чего требуется еще десятки миллионов пудов. Все это надо собрать, провезти и распределить. Задача большой срочности и величайшей трудности.

Всякий разумный человек, всякий честный гражданин скажет, что без поддержки самых широких масс крестьян, рабочих и честных граждан правительство не выполнит полностью столь трудную задачу. Если правительство Советской республики встретит живой отклик в народной толще, есть надежда—хоть отчасти притупить муки голода, хоть частью засеянных полей парализовать разрушительную стихию. Помощь нужна во-время, [illegible] Калужская губернская комиссия ВЦИК помощи голодающим закупила полтораста тысяч зерна. Сейчас это зерно постановлено двинуть в Поволжье на семена.

Это первое практическое дело. Затем идет Курская губерния, постановившая 1 ф. с пуда урожая пожертвовать голодающим.

Курская губерния не только должна собрать, но она должна с этим сбором спешить, ибо ее сравнительная близость к неурожайным губерниям дает возможность курское зерно употребить на засев полей. Ни минуты опоздания, надо спешить!

Число смертей от голода, количество незасеянных десятин в безбрежных степях юго-востока, степень разрушения крестьянского хозяйства, степень уничтожения ценнейшего народного богатства,—богатства, которым пользовалось, пользуется и впредь будет пользоваться вся Советская Россия,—все это может достигнуть громадных размеров не столько потому, что в стране нет хлеба, а потому, что имеющие этот хлеб невнимательно, преступно отнесутся к голоду других.

Каждая деревня, волость, уезд, губерния, где урожай позволяет, должны идти навстречу чужой беде, все должны собирать, крестьяне отчислять немедленно какую-либо часть хлеба, картофеля и других хлебных злаков, рабочие городов должны принять участие в организации помощи и прийти на помощь теми средствами, которыми они располагают, все честные граждане должны откликнуться сбором денег, вещей, организацией столовых, детских домов; пусть, кто в силах, берет к себе на прокормление ребенка. Трудно перечислить все виды и формы возможной помощи. Коль скоро население голодающих местностей почувствует внимание к себе и помощь от благополучной части республики, оно само почерпнет в [illegible] большую бодрость и способность противостоять бедствию. Все за дело!

М. КАЛИНИН.

КТО СЕРДЦЕМ СЛЫШИТ, К ТОМУ МЫ:
БОЛЬШЕ ЛЮБВИ И ТРУДА!
ГОЛОДНЫХ У РАБОЧЕЙ КОММУНЫ
НЕ МОЖЕТ БЫТЬ НИКОГДА!

Помощь голодающим и Коммунистический Интернационал.

Стихийное бедствие, свалившееся на голову Советской республики, постепенно приковывает к себе внимание рабочих всей России. Ряд наших губерний [illegible] Многие [illegible]

Беда не [illegible] одно препятствие за другим. Половины нет этого несчастья, которое не свалилось бы на нашу голову за последние годы. История как-будто нарочно нагромождает на нашем пути одну трудность на другой, как бы желая испытать, справится ли пролетарская революция еще и с новыми бедами, или орех окажется ей не по зубам.

— Справимся со всеми бедами! Справимся и с тем новым несчастьем, которое свалилось на нас!

По инициативе представителей французской коммунистической партии вопрос о помощи голодающим со стороны Коминтерна поставлен был на днях в президиуме исполнительного комитета коммунистического Интернационала. И единодушно было принято постановление о том, что все без исключения рабочие организации, принадлежащие к коммунистическому Интернационалу, в ближайшие же дни обратятся к пролетариям и крестьянам своей страны с предложением оказать помощь голодающим губерниям Советской России. В каждом городе, в каждом рабочем поселке, на каждом заводе, где существуют коммунистические организации или отдельные коммунисты, будут об'явлены сборы деньгами и натурой в пользу голодающих губерний России. А где теперь нет коммунистических организаций? На III всемирном конгрессе Коминтерна была представлена 51 страна. В некоторых из крупнейших стран коммунисты имеют уже за собою большинство рабочего класса.

В целом ряде стран капитализма рабочие и сами голодают, несмотря на хороший урожай и «хорошие дела» господ капиталистов. Десятки миллионов безработных во всей Европе и в Америке голодают вместе с их семьями. Господа капиталисты предоставляют их самим себе, оказывая им в лучшем случае лишь грошовую помощь. Миллионы и миллионы рабочих, которые работают только 2—3 дня в неделю, также зарабатывают лишь на самое голодное существование. В то же время в целом ряде стран в тюрьмах томятся десятки тысяч рабочих коммунистов. В Германии за последние только 2—3 месяца военными и всякими иными буржуазными судами вынесены приговоры коммунистам, которые в сумме своей равны 4.000 годам каторги. В тюрьмах, приговоренные на меньшие сроки, сидят тысячи и тысячи рабочих. В Италии в тюрьму посажены не менее чем 15.000 рабочих-коммунистов. В Чехо-Словакии рабочие-коммунисты, сидящие в тюрьме, считаются тысячами. То же в Румынии, в Греции, в Америке и в ряде других стран. Рабочим коммунистам приходится на свои медные гроши поддерживать арестованных и их семьи. Все это помешает рабочим-коммунистам оказать нашим голодающим более щедрую поддержку. Вместе с тем и буржуазные правительства, разумеется, сделают все возможное для того, чтобы затруднить «их» рабочим оказывать помощь голодающим Советской России. Но все-таки, все, что только возможно, будет сделано. Моральное значение помощи, которую голодные рабочие Запада окажут голодающему крестьянству Советской России, будет немалое.

Г. ЗИНОВЬЕВ.

РАБОЧИЙ! УВЕРЕННЫЙ ВЗМАХ У СТАНКА!
КРЕСТЬЯНИН! БОЛЬШЕ ЗАБОТЫ В ПОЛЯХ;
С ПОВОЛЖЬЯ ПРОТЯНУТАЯ РУКА
ЖДЕТ ПОМОЩИ ОТ ТЕБЯ...

Боритесь с голодом—делом.

Советской власти и Российской Коммунистической Партии приходилось неоднократно решать задачи неимоверной трудности и сложности. Мы выработали уже и методы решения подобных задач. Мы знаем, что надо, прежде всего, установить точную и определенную цель, сосредоточить на этой цели внимание широких трудовых масс и затем с железной энергией, не оглядываясь по сторонам, идти к [illegible].

Перед нами—громадное стихийное бедствие. Борьба с ним заполнит нашу работу в течение нескольких месяцев. Но перед нами уже вырисовалась ближайшая ударная задача ближайших недель. Предварительная работа Госплана и Центрального Статистического управления выяснила, что начало борьбы с голодом требует от нас *доставки не менее 12.000.000 пуд. семян в неурожайные губернии до начала засева озимых полей, т.-е. не позже 1-го сентября*. Доставить эти 12.000.000 пудов во-время, не значит еще побороть народную беду, но, доставив эти 12.000.000 пудов, мы *на деле* спасаем хлебороднейшую полосу России для народного хозяйства республики.

Для решения этой основной и ударной задачи у нас немного путей. Они должны быть использованы все и целиком, со всем напряжением энергии.

Основной источник, откуда мы можем получить часть необходимых 12.000.000 пудов, это—продналог. Ставки продналога по уездам, без опубликования которых невозможен приступ к сбору продналога, должны быть опубликованы сегодня, 22-го июля. По закону после момента опубликования этих ставок и до начала сбора продналога должен пройти месяц. Голодающие губернии ждать месяц с засевом не могут; сдача продналога должна начаться немедленно. Комиссия ВЦИК помощи голодающим провела декрет ВЦИК, который сокращает этот месячный срок до 11 дней. В течение этих 11-ти дней должна быть проделана вся предварительная работа губ. и уисполкомами и сельсоветами. Через 11 дней должен начаться сбор продналога. В течение августа должно быть собрано не менее 15% всей его суммы. Семенной хлеб должен быть отправлен в голодающие губернии на засев.

Декрет издан—требование ясно. Все организации, все государственные учреждения, все честные граждане должны направить свои усилия к тому, чтобы возможно большая часть продналога была сдана в течение августа.

Сдай продналог, чтобы крестьяне голодающих губерний успели засеять свои озимые поля,—вот требование Советской власти, поддерживаемое миллионами голосов голодающих крестьян.

Второй источник—урожай совхозов. Этот урожай должен быть немедленно собран и в главной своей массе отправлен на засев голодающих губерний. Соответствующий декрет, по предложению комиссии ВЦИК помощи голодающим, издан ВЦИК-ом. Совхоз, который не выполнит его, партийный работник, который не настоит на его выполнении, не проконтролирует его выполнения, будет преступником перед лицом Советской власти и голодающих масс.

Третий источник—возврат семенной ссуды, выданной крестьянам в 20 и 21 году. Возврат этой ссуды может дать несколько миллионов пудов семян для пустующих полей Поволжья. Соответствующий декрет и воззвание изданы. Крестьянин, который не выполнит этого своего обязательства, обрекает на голодную смерть своего же брата—крестьянина Поволжья.

Четвертый источник—заграница. Закупка за границей семян чрезвычайно затруднена: срок слишком мал, подвоз слишком долог. Однако, Советская власть сделала ряд реальных шагов к тому, чтобы закупить за границей семена.

Пятый источник—тот, правда, скудный запас семян, который может быть собран с полей, охваченных неурожаем местностей. ВЦИК сложил с этих местностей продовольственный налог, но, в то же время он поручил местным губисполкомам обратить весь тот урожай, который может быть собран в отдельных частях неурожайных губерний, на обсеменение.

Соберем ли мы всеми этими путями необходимые 12.000.000 пудов до 1-го сентября? Доставим ли их в голодающие губернии? Надо собрать. Надо доставить. Весь аппарат государственной власти должен быть приведен в движение. Ускорение сбора продналога, ускорение ссыпки урожая совхозов, ускорение возврата ссуды должны быть поставлены в боевой порядок дня всех органов Советской власти. Железные дороги уже получили приказ быть готовыми к перевозке семян.

Но всех этих средств может оказаться недостаточно. Советская власть перед лицом народного бедствия имела бы основание отступить от провозглашенных несколько месяцев тому назад цифр продовольственного налога. Она могла бы сказать крестьянам: определяя налог в 240 миллионов пудов, Советская власть исходила из предположения о среднем урожае по России; предположения эти не оправдались. Наиболее хлебородные губернии, которые должны были дать около 60 миллионов пуд. продналога, не только не смогут их дать, но требуют ввоза нескольких десятков миллионов пудов. Крестьяне других губерний должны поэтому дать больше в счет продналога, чем предполагалось. Советская власть имела бы основание повысить ставки налога и общую его сумму, ввести дополнительный налог.

К этому она не прибегает. Она рассчитывает на другое. Рабоче-крестьянская власть рассчитывает на то, что крестьяне урожайных губерний *сами* придут на помощь к голодающим, что они не только ускорят ссыпку продналога, но добровольно добавят к нему для голодающих. ВЦИК обратится ко всем крестьянам России с предложением всюду устраивать добровольные сборы, проводить добровольные надбавки к налогу для создания специального фонда помощи голодающим.

Каждый местный совет, каждая местная организация должны со своей стороны повторить этот призыв, дойти с ним до каждой избы, сделать так, чтобы он был услышан каждым крестьянином, каждой крестьянкой.

Этот фонд должен расходоваться только исключительно для голодающих и будет находиться под особым контролем самих крестьян. Для сбора этого фонда, для агитации за его создание, для охранения его должны быть созданы в каждой деревне, в каждой волости крестьянские комитеты [illegible].

Города не должны остаться в стороне. Беда приволжских крестьян—не только общекрестьянская, но и общенародная беда. Рабочие организации, профессиональные и кооперативные, могут и должны принять участие в быстром сборе продналога, в быстрой перевозке собранных семян к местам голода, могут и должны принять участие отчислением части своих фондов, сборами денег, усиленным производством необходимых крестьянству предметов. Они могут помочь Советской власти собрать в урожайных местностях больше хлеба для передачи его голодающим. Каждый рабочий должен узнать о крестьянской беде и своей работой, сбором, отчислениями укрепить союз рабочих и крестьян.

Комиссия ВЦИК помощи голодающим разрабатывает ряд конкретных [illegible] союзе, в [illegible] обсуждены [illegible] предложения.

[illegible] власть призвала всех граждан, которые чем-либо могут оказать реальную помощь [illegible] делу. Она поэтому приветствовала и поддержала мысль о создании всероссийского комитета помощи голодающим, составленного в большинстве из деятелей, в прошлом которых числится длительная и настойчивая борьба с коммунизмом. Этот комитет имеет своей задачей сбор и приобретение необходимых голодающим средств как в России, так и, главным образом, за границей. Он может рассчитывать на сочувствие и поддержку тех кругов, которые не откликнулись бы на призыв коммунистов. Самым фактом своего создания и своей работы он будет свидетельствовать, что только [illegible] враги русских трудящихся масс могут отказываться от работы на помощь голодающим под руководительством Советской власти. Тот, кто не откликнется ныне на призыв помочь голодным, помочь рабоче-крестьянскому правительству России справиться с общенародным бедствием, тот докажет, что интересы буржуазной собственности, интересы собственного брюха стоят для него выше всего.

Все на работу! Поменьше слов, побольше дела! Задача ясна. Все силы мобилизованы. Надо работать, не покладая рук—и мы победим.

Л. КАМЕНЕВ.

ГОЛОМУ С МИРА—ПО НИТКЕ...
ДРУЖНАЯ ПОМОЩЬ КРЕПКА...
ВМЕСТЕ ВЫТЕРПИМ ПЫТКИ,
ПОБЕДА В ЕДИНСТВЕ ЛЕГКА!..

Голод.

[illegible] скорби-ли тучей и долгой,
[illegible] протянутая к подаянью рука,
[illegible] мелела и высохла Волга
В [illegible] берегах?

[illegible] дней неподвижность пустыни,
[illegible] блеск неподвижной струи...
[illegible] с плеч котомками пустыми,
[illegible] баржи с пристаней своих.

[illegible] не даром, когда самогонкой
[illegible] песнь рыбака,
[illegible] над родным несмышленком,
[illegible] над краем река.

[illegible] не даром глухою тревогой
[illegible] астраханских сухих камышах
[illegible] шептала о голоде Волга,
[illegible] шурша...

II.

[illegible] Он... вот... тяжелым шагом
[illegible] выжженными полям,
О [illegible] криком вьется над оврагом,
[illegible] остовом коня;

[illegible] рыскает по всем дорогам,
[illegible] в пыли, в крови.
[illegible]
С дымящихся небес [illegible].

Миллионами мозолистых ладоней
Припав к мякинному куску,
Мучительней мучительнейшей агонии
Вот этот хруст дрожащих скул!

Вот этот рот, изгрызанный цингою,
И материнская слеза
Над сыном плачущим, и это, злое,
Звериное, тупое,
Блуждающее в глазах...

За табором переселенцев, с льдистым
Сердцем Любовь прошла, и вот—
И Песнь беспечная, и смех ручьистый
Застыли пред лицом Его...

Лишь кралась псом зловещая Измена
У закопченной избы...
. . . .

Россия Октября!.. Тебе-ль, Бессменной,
Тебе-ль последней нитки не забыть?!.

III.

Слышите-ль, как надрывается мускул
Заводов и рудников,
Как стихает на распутьи русском
Бетонный шаг городов?

Как в голодной и черной петле
Бьется потный Молот и Серп?
О луне соловьиной петь ли,
Когда там на навоза хлеб?..

Когда там — под рукою костлявой —
Не Поволжье, а Мы, Мы,—
И сомнений назойливый дьявол
В бездну прошлого сбрасывает Мысль...

И, вдыхая ядовитое, сухое,
Мертвое дыханье полей,
Теперь ли мечтать о покое
В тумане дымящихся дней?!..

IV.

Взвейтесь с ветром, кудри, колоситесь,
[illegible]!
Северный, светло-русый витязь,
Витязь с васильковым взором!..

В страдный час, перед глухим поклоном,
Под рукой измученною жницы
Встань в стога и под ценным трезвоном
Стихни дрожью золотистой ржицы.

И туда, где голодно, хрипло стонет
Жадный крик в натруженной груди,
Ты в протянутые черные ладони
Доброй, сытой россыпью иди.

И скажи по всем путям-проселкам
И во всех мужицких закромах,
Что победа над бедою только
Лишь в Единстве духа, да в руках...

С. ОБРАДОВИЧ.

ГОЛОД В ДВЕРИ ПОСТУЧАЛ,
ПРОТЯНУЛ В ОКНО ЛАДОНЬ...
КРЕПЧЕ МОЛОТОМ С ПЛЕЧА!
В ГОРНЕ ГОРЯЧЕЙ ОГОНЬ!

Цифровая сводка.

(Для крестьян урожайных губерний и рабочих).

На протяжении всей почти уже 4-летней истории Советской власти, хлеб играет решающую роль. Не боясь впасть в преувеличения, можно сказать, что от хлеба зависело и продолжает зависеть самое существование нашей республики.

Кто же спасал до настоящего времени рабоче-крестьянское государство? Чей хлеб перевешивал до сих пор чашу исторических весов в пользу рабочих и крестьян в их великом споре с отечественными эксплоататорами и эксплоататорами всего мира?

Идет первый год истории Советской власти—1917—18 г.г. Заговоры буржуазии внутри страны, продвижение войск империалистической Германии с юга, юго-запада и северо-запада, разбойное нападение Антанты на севере и чехо-словаков на востоке—делают положение республики чрезвычайно тяжелым. Угрожает опасность крестьянам — потерять землю, отнятую у помещиков, рабочим—потерять отнятые у капиталистов фабрики и заводы, тем и другим—потерять право строить жизнь по своему и снова попасть в кабалу, экономическую и политическую. Чтобы предотвратить от рабоче-крестьянского государства нависшую над ним смертельную опасность нужен, прежде всего, хлеб [illegible] голодных рабочих и снабжения еще людей, вырастающей рабоче-крестьянской Красной армии; между тем, хлеба в распоряжении государства нет в достаточном количестве. Раздается боевой призыв: хлеба, скорее хлеба республике! Крестьянство отзывается на хлеба в количестве 30 миллионов пудов хлеба, количество далеко не достаточное для полуголодного существования трудящихся, но оказавшееся в этот момент достаточным для спасения рабоче-крестьянского государства.

— И из предоставленных крестьянством Советской власти в 1917—18 г.г. хлеба в количестве 30 миллионов пудов свыше 11 миллионов пуд. (11.380.830 п.), т.-е., свыше 37%, было предоставлено голодающим в этом году сельским населением Вятской, Симбирской, Самарской, Саратовской, Царицынской, Пензенской, Астраханской и Уфимской губерний, Татарской и Башкирской республик и областей немцев Поволжья, Чувашской и Вотской!

Идет второй год истории Советской власти—1918—1919 г.г. Рабоче-крестьянская власть стала крепче. Вместе с тем стали сильнее и ожесточеннее нападать на единственную в мире республику трудящихся ее многочисленные враги из эксплоататорского стана. Возглавляемая адмиралом Колчаком белогвардейщина занимает Сибирь и подходит одно время к самой Волге. С юга и юго-востока из освобожденной от оккупационных немецких войск германской [illegible] территории двигаются полчища царского генерала Деникина, доходящие до Орла; на юго-западе, западе и северо-западе орудуют белогвардейские банды Петлюры, польских, литовских, латвийских и эстонских помещиков и капиталистов. На севере продолжают действовать вооруженные силы Антанты. Рабоче-крестьянскому государству нужен хлеб, и хлеб нужен в большем количестве, чем раньше, так как сильнее стал натиск со стороны врагов трудящихся и так как от навязанных республике войн стала сильнее хозяйственная разруха. Крестьянство пришло на выручку себе, рабочим и поставленной ими власти и дало государству 111 миллионов пудов хлеба, почти в 3 раза больше, чем в предшествующем году.

— И из этого количества свыше 66 миллионов пудов хлеба (66.150.917 п.), т.-е., более 50% (59,4%), дали крестьяне пострадавших в нынешнем году от засухи губерний!

Идет третий год истории Советской власти—1919—1920 г.г. Рабоче-крестьянская власть, одержавшая победы над многими из своих врагов, стала еще крепче. Но не ослабел вооруженный натиск со стороны отечественной и международной буржуазии против рабоче-крестьянского государства. Рабочим и крестьянам приходится одновременно доводить до конца разгром белогвардейских банд Колчака и Деникина и вступать в тяжелую и разорительную войну с панской Польшей, напавшей как раз тогда, когда рабоче-крестьянские массы, пользуясь наступившей передышкой, собирались приступать к мирному экономическому и политическому строительству. Для спасения рабоче-крестьянского государства в новых условиях потребовалось еще больше, чем раньше, хлеба. Крестьяне поняли, какая огромная опасность угрожает республике, и дали 212 миллионов пудов хлеба.

— И из указанного количества хлеба свыше 87 миллионов пуд. (87.212.838 пуд.), т.-е., свыше 41% (41,1%) дало все тоже голодающее в этом году крестьянство поволжских и заволжских губерний!

Идет четвертый год истории Советской власти—1920—1921 г.г. Рабоче-крестьянской власти приходится одновременно доканчивать войну с Польшей, отражать нападение царского генерала Врангеля, заступившего место Деникина, и восстанавливать в конец расстроенное народное хозяйство. Для всего этого, разумеется, требуется хлеба значительно больше, чем в предшествующие годы. Крестьянство снова приходит на помощь государству и дает 287 миллионов пудов хлеба.

— И из этого количества свыше 64 миллионов пудов (64.770.000) хлеба отпускает государству сельское население тех местностей, которые теперь вынуждены выносить на своих плечах всю тяжесть постигшего республику неурожая!

Если подсчитать, сколько хлеба потребовалось для того, чтобы отстоять рабоче-крестьянскую власть и право трудящихся на землю, фабрики и заводы, отнятые у помещиков и капиталистов, то окажется, что для этого потребовалось 640 миллионов пудов хлеба, предоставленного крестьянством государству с конца 1917 г. по июнь 1921 года. Если же подсчитать, какую долю жертвы на общее дело взяли на себя в тот же период времени крестьяне неурожайных в нынешнем году губерний, то окажется, что всего хлеба ими было отпущено государству свыше 229 милл. пуд. (229.513.785 п.), т.-е., свыше 35% (35,8%).

О чем же все это говорит? Это говорит о том, что гибнущие сейчас от голода крестьяне поволжских и заволжских губерний, своим хлебом спасли рабоче-крестьянское дело и рабоче-крестьянское государство. И, может быть, то большое бремя, которое в свое время взяли на себя поволжские и заволжские крестьяне в борьбе с враждебными силами, послужило одной из причин тягостного положения, в котором они очутились вследствие засухи, поразившей их хозяйства.

Отсюда сам собой напрашивается вывод: нет той жертвы, на которую не может пойти крестьянство урожайных губерний, чтобы немедленно же помочь населению пострадавших от неурожая местностей! Скорейшее выполнение налога и скорейшая организация сборов в той или иной форме, в виде предоставления скорейшей продовольственной и семенной помощи голодающей части крестьянства,—вот что должно быть сейчас ударной задачей всего населения урожайных губерний, рабочих и рабоче-крестьянской власти.

И это нужно сделать не только во имя справедливости. Это нужно сделать также для того, чтобы крестьяне Поволжья и Заволжья, оправившись возможно скорее от последствий неурожая, возможно скорее же могли бы приступить к выполнению своего долга перед рабоче-крестьянским государством. Без их хлеба не было бы спасено дело рабочих и крестьян; без их хлеба и дальше не может существовать, укрепляться и развиваться рабоче-крестьянское государство.

А. Свидерский.

Поволжье—сельскохозяйственная крепость.

Борьба со страшным бедствием, надвинувшимся на Поволжье, имеет громадное хозяйственное значение. Тов. Свидерский приводит цифровые [illegible] года Советской власти район, который голодает теперь, дал государству почти 36% всего полученного хлеба. Таков хлебный «удельный вес» Поволжья. Это — настоящая сельскохозяйственная крепость, сдача которой врагу-голоду означала бы громаднейшее экономическое поражение всей Республики.

Мы теперь отлично научились ценить значение организации, более или менее целесообразного порядка, который позволяет итти нормальному ходу общественного производства. Но посмотрите, что получится, если не будет оказано решительной помощи поволжскому голодающему населению? Это означает вымирание части живой рабочей силы, уход неведомо куда другой ее части, истощение третьей; это означает, далее, гибель скота, распродажу с молотка или гибель необходимейшего сельскохозяйственного инвентаря: это означает разрушение, так сказать, и «основного капитала» крестьянского хозяйства (разрушение изб, сараев, всех построек вообще, запустение земель и проч.). Словом, это означает превращение ценнейшей территории в кладбище, в пустыню.

Нужно иметь в виду следующее. Для стран с мощной техникой чрезвычайно легко превращать «голую землю» в «цветущий сад». Колонны пионеров, квалифицированных рабочих, кадр первоклассных инженеров, наилучшие материалы, первосортные машины, «наука и техника»—и сделано очень много. Совсем другое у нас, с нашей жалкой еще техникой. У нас процесс разрушения легче, но процесс восстановления неизмеримо труднее. Откуда мы сможем взять скот? Откуда мы получим оборудование вместо погибшего? Чем будем строить новые избы, когда у нас нет ни гвоздей, ни кровельного железа, ни краски, чтобы окрасить крышу; когда нет пил и топоров в достаточном количестве? А мы будем иметь в Поволжье «голую землю», если дадим всем в отчаяньи разбежаться, если не поможем, если не придем на выручку осажденной голодом нашей лучшей [illegible].

Нужно смотреть вперед и рассчитывать. Если мы теперь же не поможем Поволжью, это значит, что, по всему вероятию, и в будущем году оно для народного хозяйства пропадет. Но при таких условиях на долю всего остального крестьянства ляжет более тяжкое бремя. Ибо города, рабочий класс и проч. должны получить определенный минимум; живых людей из Поволжья тоже придется кормить, т.-е. помогать голодающим и второй, и третий раз. Это значит затягивать болезнь. Эта затяжка крайне вредна и с точки зрения производящего крестьянства. Ибо в таком случае ему придется отдавать из своих продуктов больше и больше. Точно так же эта затяжка вредна и с точки зрения всего народного хозяйства. Она задержит развитие в сельском хозяйстве, а, следовательно, она задержит и общее хозяйственное развитие страны. Вот почему во много раз выгоднее помочь сразу больше, чем недопомочь, чем помогать в течение ряда лет.

Помочь населению прокормиться и получить семена—это первая, основная и самая элементарная задача. Сюда нужно направить массу усилий. Не будет сделано этого—все пойдет для Поволжья прахом. Но, с другой стороны, не нужно забывать также и работ другого рода, работ на случай засухи в будущем году. Пусть специалисты решат, что можно сделать для орошения полей. Но создать гарантии этого рода против засухи было бы совершенно необходимой страховкой на будущие времена.

Военные авторитеты во время империалистской бойни говорили, что победит тот, у кого окажутся крепче нервы. Сейчас требуются величайшая крепость нервов, величайшая выдержка, способность взвешивать, обсуждать, рассчитывать. И не только сердце, но и трезвый хозяйственный расчет говорит нам: мы должны во что бы то ни стало помочь Поволжью!

Н. Б.

ЗА ВОЛГОЙ, ПОД КРЫШЕЙ РАСКРЫТОЙ,
С ГОЛОДА ДЕТСКИЕ ПЛАЧУЩИЕ РТЫ...
ДЕТИ—ГРЯДУЩЕГО ЦВЕТЫ...
ОТ ЗНОЯ ЦВЕТЫ СПАСИТЕ!..

Стихийное бедствие.

Бедствие, разразившееся над Россией—стихийно; предвидеть его было нельзя, заранее предупредить—невозможно.

Но теперь, когда оно наступило и грозит уничтожить сотни и тысячи рабочих и крестьян, тысячи интеллигенции, массы детей,—теперь мы обязаны, единодушным напряжением всех наших сил, начать борьбу с голодом и эпидемиями. Не следует умалять грозное значение несчастия, которое обещает еще более углубить и расширить нашу экономическую разруху. Взглянем спокойно в глаза суровой правде событий и, не впадая в панический страх, начнем немедля дружную работу самозащиты. Необходимо подтянуться, отбросить прочь нашу русскую лень и [illegible], нашу привычку жить и действовать «на авось», отказаться от излишних разговоров и, подняв на ноги все работоспособные группы, приступить, не медля, к тяжелой и упорной работе спасения от смерти многих тысяч наших детей.

Энергичная работа—самый лучший ответ тем людям, которые, несомненно, оценят голод, как хороший козырь в своей игре против основных целей русского народа. Такая работа должна еще крепче сплотить всех, для кого дело возрождения России—личное, сердечное дело,—задача всей жизни.

Не первый раз в течение четырех лет революции мы живем под угрозой удара, который вот-вот сокрушит нас. До сей поры мы умели отражать эти удары — отразим и голод, если сумеем вовлечь в борьбу с ним лучшие силы всей страны.

Поменьше [illegible], побольше серьезного отношения к делу жизни и доверия друг-к-другу—вот что необходимо для успеха борьбы.

М. Горький.

Советская Россия в борьбе с голодом.

Голодовка в России—частая гостья. Через десяток лет, а то и меньше, она делает свои страшные визиты.

В течение последних столетий голодовка приходит все чаще и чаще, и русский народ беспомощен перед ней. Мы не можем справиться со свирепствующей стихией в силу нашей некультурности и благодаря допотопным приемам хозяйничанья. Голод не будет нам страшен, когда мы разовьем в полной мере производительные силы нашей страны.

А в настоящий момент нам приходится бороться с уже наступившим бедствием, и наша задача—возможно больше смягчить трагические последствия недорода.

Нужно мобилизовать для этой цели все силы—государственные и так называемые общественные. И при царизме помощь пострадавшим от недорода районам шла из двух источников: государства и общества.

Помощь царского правительства, этого бича в руках эксплоататорских классов, по отношению к трудящимся была ничтожной. Отношение царского правительства к переживающему голодные муки крестьянству лучше всего характеризуется приказом Дурново провинциальным сатрапам, запрещающим оказывать продовольственную помощь всем крестьянам, принимавшим участие в аграрных беспорядках.

«Свободолюбивая» русская общественность, в лице земства и других общественных организаций, вместо протеста жалко пискнула на этот акт мести озверевшего дворянства.

Волк помогал овце,—так, примерно, можно характеризовать помощь царского правительства крестьянству в голодные годы.

Благодаря крайней слабости царского административного аппарата, относительно большая доля помощи голодающим приходилась на общественные организации. Но общественная помощь голодающим была значительна только по сравнению с правительственной помощью, но сама по себе была очень небольшой.

И вся деятельность общественных организаций, даже наиболее авторитетных, носила благотворительный характер. Достаточно просмотреть отчеты этих организаций, чтобы убедиться в этом.

Чуткие натуры из буржуазии и интеллигенции нелицемерно отдавались делу помощи голодным, но реальные результаты государственной и общественной помощи были незначительны. Об'ективно, несмотря на подвиги одиночек, вся помощь голодающим со стороны государства и общества была похожа на то, как нерадивый и мучитель хозяин кормит свою клячу, лишь бы она не подохла.

Да иначе оно и не могло быть, ведь, тогда помогали голодному мужику его эксплоататоры, помещик и капиталист и находившаяся у этих классов на службе интеллигенция. Приказ Дурново и великосветские «базары»—вот что [illegible] природу и размер той помощи, которую получало во время голодовок при буржуазно-помещичьих порядках крестьянство.

Нужда крестьянства, благодаря тому, что власть находилась в руках его эксплоататоров, удовлетворялась во много раз меньших размерах, чем то было возможно.

Мы приступаем к борьбе с голодом при полной разрухе и отсутствии продовольственных запасов. Не безнадежна ли наша работа?

Нет. Если пробудятся в нас те силы, которые давали нам возможность побеждать даже самые трудные препятствия во время революции, то мы сможем помочь голодающим крестьянам Поволжья не в меньшем, а в большем размере, чем то делали в несравненно лучших условиях буржуазия и царское правительство. Наш аппарат страдает очень многими недостатками и мы сами об этих недостатках больше всего кричим, но все же, если принять во внимание об'ем стоящих перед ним задач и массу проделываемой им необходимой работы, то окажется, что наш советский аппарат обладает значительно большей мощностью, чем старая буржуазная государственная машина. В кампании помощи голодающим теперь не может быть противопоставления между бюрократической властью и общественностью, как это было при царизме. Советская власть сама является наиболее совершенной формой общественной организации в лучшем смысле этого слова. Советы—органы власти трудящихся масс, тесно связанные с последними и являющиеся высшим выражением общественности не только по своей структуре, но также по методам и приемам работы.

Но общественная деятельность по оказанию помощи голодающим в прежнем виде не может теперь развернуться и по другим причинам: нет эксплоататоров, нет и благотворительности.

Вся помощь голодающим крестьянам, которая будет оказана в порядке инициативы и самодеятельности трудящихся масс, будет не благотворительностью, а братской взаимопомощью. На-ряду с поддержкой, которую окажет государство, будет на первом плане не купецкая «сотня», милостиво поданная от многих миллионов, а трудовые заработки рабочих и крестьян.

Это не значит, конечно, что Советская власть отвергнет такую помощь, при которой одна рука дающего будет держать хлеб, а другая—нож, занесенный над горлом рабочих и крестьян. Даже такую помощь Советская власть примет, лишь бы спасти голодающих. И всячески приветствовать и всемерно поощрять будет Советская власть тех лиц и те организации, которые честно и без враждебных рабочему классу и крестьянству замыслов предложат свои силы для борьбы с голодом.

Опыт борьбы с голодовками при царском режиме, который мы все должны внимательно изучить, указывает нам на огромную роль самодеятельности крестьянского населения. Проводя всю нынешнюю голодную кампанию под лозунгом взаимопомощи, мы должны обратить особое внимание на эту сторону дела. Прежде всего эту самодеятельность необходимо развить до максимальных размеров в самых голодных районах. Как ни тяжело положение голодающих крестьян, все же необходимо во что бы то ни стало победить настроения паники и безнадежности, которые охватывают голодающие массы, и пробудить в них инициативу и энергию для борьбы с голодом. Самодеятельность голодающего населения, особенно, в нынешних условиях являются первейшими условиями, при которых вообще возможна борьба с голодом в широком масштабе.

Ко всем мероприятиям, будут ли они правительственные или общественные, необходимо привлекать само голодающее население. Это необходимо не только в целях политических и общеорганизационных, но также и для того, чтобы оказываемая помощь больше соответствовала бытовым условиям крестьянской жизни.

На эту сторону необходимо обратить сугубое внимание. Деревенские отношения весьма сложны и запутанны и отнюдь не исчерпываются отношениями бедняка, середняка и кулака, которые известны всем. В деревне большую роль, напр., играют родственные и личные связи, с которыми необходимо считаться, иначе помощь во многих случаях не даст желаемого результата. Этот бытовой уклад крестьянской жизни необходимо принимать во внимание при всякого рода помощи: хозяйственной, продовольственной, организационной работах и пр.

Напр., при выборе работ (общественных или кустарных) необходимо выбирать такие, к которым крестьянство данной местности наиболее привычно.

Также при организации общественных столовых не размахиваться на предприятия, осуществимые только в городских условиях, хотя бы они с организационной стороны казались идеальными. Опыт Л. Толстого с организацией столовых в голодных деревнях указывает, что лучшие результаты получаются, когда столовую поручается вести отдельному крестьянскому двору.

Раз такая форма лучше соответствует быту, значит ее нужно принять.

Тоже при устройстве организаций для спасения детей и пр.

Продовольственную помощь лучше всего связать с организацией работ, конечно, не стараясь сделать на этом барыша. В выборе работ нужно руководствоваться их целесообразностью и навыками населения.

Не в меньшей мере привлечение крестьянства необходимо и в тех районах, которые будут оказывать помощь. Здесь желательно, чтобы весь аппарат, собирающий добровольные даяния, был прослоен крестьянскими элементами и чтобы сами крестьяне не только собирали пожертвования но и отвозили их голодающим. Полная, точная и широко публикуемая отчетность должна проводиться в полной мере.

Тяжко несчастие, постигшее трудовую Русь. Пусть воспрянут рабочие и крестьянские массы и спасут миллионы голодающих сынов трудового отечества!

Нужен великий подвиг! Совершим его.

В. КУРАЕВ.

В ХОД МОЛОТ, СЕРПЫ, ПАРОВОЗЫ,
НАД ХЛЕБОМ, ЗА ХЛЕБОМ И С ХЛЕБОМ.
ПОД ЗНОЙНЫМ ПОВОЛЖСКИМ НЕБОМ
НЕ РОСЫ, НЕ РОСЫ, А СЛЕЗЫ...

День испытания в коммуне.

(Агитация словом и делом).

На камушках уселись все члены коммуны имени Ленина—мужчины, женщины, подростки. Ждут собрания.

Порядок дня еще не об'явлен, но все о нем знают. Все знают, что накануне ночью заседала партийная ячейка и решила провести через общее собрание вопрос *об отчислении 100 п. ржи для голодающих сверх продналога.* Ночью ячейка решила и ночью же, говорят, в некоторых семьях открылись «лесопильные заводы»—жены «пилили» мужей.

— Гано затеяли рисковать, два года сами конятник (траву) ели, никак выбиться не могли. Только-только вылезать начинаем из голода, а вы опять хотите нас на конятник посадить?..

Во главе оппозиции ячейке стал сам председатель коммуны, недавно вышедший из партии товарищ, честный, хороший работник, но иногда способный увлекаться и упрямствовать в ошибках.

— Я буду говорить против предложения ячейки,—заявил он прямо.—Еще урожай не собран, еще не известен размер продналога. По моим расчетам дела у нас такие. Надо отдать семенной долг с начислением процентов. *Это—раз.* Мы брали заимообразно хлеб для прокормления до новины. Надо его вернуть сейчас же,—*это два.* На семена надо отложить столько-то—*три.* Продналог будет около 300 пудов—*четыре.* В остатке ржи нехватает для нашего питания. Вопрос о пожертвовании надо отложить, пока уберем хлеб, узнаем размер налога и выясним свои силы. А пока я предлагаю: срочно обмолотить несколько сот пудов ржи и немедленно отвезти на ссыпной пункт как наш семенной и продов. долг, так и в счет продналога некоторое количество. Мы должны беречь и коммуну, иначе от одного неосторожного решения она может погибнуть.

Слово берет коммунар, старый большевик.

— Коммуна может погибнуть не от того, что покажет на деле свою отзывчивость к нуждам государства. Наоборот, коммуна тогда погибнет, когда скажет: до саратовских нам дела нет, нам себя надо обеспечить по норме. Ведь мы-то сами обращались за помощью, когда у нас семян не было и хлеба не хватало? Как же мы теперь откажемся помочь? Какая же это коммуна?

Выступает бывший питерский рабочий.

— Товарищи, я вспоминаю 1918 год. Мы, питерские рабочие, сидели на восьмушке, а саратовские мужики ели крупчатку и не давали нам хлеба. Мы несли [illegible] за кусок хлеба. Тогда еще Ленин сделал призыв: организуйте отряды, питерцы, и идите в Саратовскую губернию за хлебом. Теперь у саратовских неурожай, так они к нам за хлебом. Как же тут быть?

— Понял ты Ленина, да не совсем. Ленин видел, что саратовский мужик чужой нужды не понимает. Но никогда Ленин не учил нас отталкивать брата-труженика из-за [illegible] мужика. Наоборот, чтоб и показать саратовским крестьянам, что одной-верностью, без братской любви они не проживут. Они ругали коммуну, а коммуна им на помощь идет. Что же касается расчетов председателя, они неправильны. Он учел только рожь. Но у нас будет и овес, и свекла, и картошка, и просо, и гречиха, хоть понемногу да будет. Нехватит ржи—будем класть в хлеб картошку, свеклу, капустный лист, а все-таки выдержим. Председатель считал семена из расчета увеличить посев озимых на 10 десятин. Это—похвально. Мы посеем и будем спокойно ждать увеличения урожая. А на Волге как? Может там сейчас такая же коммуна сидит, на таких же камушках и думает: куда кому разбегаться... У нас пуд семян принесет 40 пудов, а на Волге он может дать и 100, и 200. Ведь полный расчет дать туда 100 пудов, а то и более.

—Позвольте мне сказать. Я—беспартийный. У меня своя программа и устав—совесть честного труженика. Не для того мы в коммуну собрались, чтобы только о себе думать. Чем же мы отличаемся от единоличников-крестьян? Надо обязательно помочь государству.

— Я тоже думаю, что помочь надо. Ведь, нам еще придется к государству за помощью обращаться. Если мы не поможем и нам не помогут.

Тут мирный ход прений нарушили женщины. Жена одного коммуниста (противница пожертвования) набросилась на другую (тоже жену коммуниста) за то, что та чересчур легко идет на «проматывание» хлеба.

Наконец, председатель утихомирил женщин.

Обменялись еще парой слов. Один назвал другого «Милюковым», другой не остался в долгу.

Уж очень трудно было рядовым членам коммуны решиться на новое ограничение себя в хлебе. Целых $2\frac{1}{2}$ года дьявольского труда, всяческих лишений и недостатков, прошлогодний неурожай и вдруг на пороге некоторого благополучия приходится самим добровольно урезывать себя. И ради кого—ради каких-то далеких саратовских крестьян, избалованных крупчаткой.

Однако, при голосовании только одна рука поднялась против. Все остальные—за отчисление 100 пудов сверх продналога немедленно, не дожидаясь конца обмолота.

Испытание было выдержано. Коммуна вышла из него с честью.

Через 2—3 дня на 8 подводах коммунары привезли на ссыпной пункт при ст. «Серебряные Пруды», Ряз.-Ур. ж. д., 212 п. ржи (100 пудов семенного долга, 12 пудов процентов начисления и 100 п. пожертвования).

По дороге мужички встретили коммунаров насмешкой:

— Ого-го... Коммунистов тоже порастрясли?.. И до вас добрались?..

— Нет, друзья, нас трясти не надо. Мы сами привезли *раньше всех*, что нас полагается, да еще сверх того от себя добавили в пользу голодающих на обсеменение 100 пудов.

— Н-ну?.. Откуда же у вас хлеб?

— Оттуда же, откуда и у вас. Земля-то одна и та же, графа Шереметева. Старайтесь и вы, не ждите, пока вас трясти начнут.

На ссыпном пункте это был, кажется, первый хлеб нового урожая.

Дома, в коммуне, не так скоро улеглось волнение, особенно у некоторых женщин. Но в деле, когда женщины начали вязать снопы, на одном участке, где урожай получился выше среднего, смягчилась даже самая ярая протестантка:

— И чего это я повздорила на собрании? Ведь, вот хлеб все-таки уродился. Проживем как-нибудь...

А в ячейке коммуны подготовляются следующие предложения: о приеме на прокормление нескольких детей из голодных губерний, о доставке оттуда же некоторого количества скота на зимовку (особенно скота из коммун) и т. п.

Даже председатель коммуны, возражавший против ассигнования 100 п. ржи, соглашается с необходимостью сделать еще кое-что в деле помощи пострадавшим от неурожая.

Коммунары партийные уже мобилизованы укомпартом на проведение агитации за продналог в Веневском уезде. *Они будут агитировать не только словом, но и делом.* Их 16 семейств первыми в уезде отчислили сверх продналога 100 п., т.-е. около 6 п. на семью. Пусть сделают то же самое все крестьяне Веневского уезда, других уездов Тульской губ. и других губерний Республики. Тогда голод будет раздавлен.

Л. СОСНОВСКИЙ.

Общая помощь.

(Организация работы на местах).

Работа помощи голодающим многообразна и сложна. Она должна идти в трех направлениях: работа в голодающей области, работа центральных губерний и работы на местах во всей остальной республике. Эта последняя имеет очень важное значение, и ей должно быть уделено большое внимание со стороны партии и советских центров.

Вопрос о сохранении голодающего населения и его хозяйственной силы в важнейшем хлебородном районе есть жизненный вопрос для всей РСФСР, для всех без исключения входящих в нее республик, областей и губерний. Мобилизовать на помощь Поволжью все эти местные силы должно и вполне возможно. Они не только могут оказать существенную материальную помощь голодной области, но и создадут то стихийное напряжение общественной коллективной воли, которое не раз спасало революцию в минуты опасностей.

Отсюда—чрезвычайно важно дать общие директивы из центра, установить общие основания, на которых должны строиться местные организации (приспособлялись, разумеется, к местным условиям) и наметить основные задания. И сделать это надо сейчас же, в самом начале этой работы, которая уже налаживается на местах.

Грозная поволжская опасность уже отдалась по всей республике, и зашевелились в разных ее углах. Одним из первых откликнулся витебский губисполком. Он создал организацию помощи голодающим в таком виде. Губернский, уездные и волостные комитеты в составе: председатель—предгубисполком, члены—представители от земотдела, собеса и сельскохоз. советы. А где же крестьяне? А где же рабочие? Если в инструкциях и будут созданы особые комиссии из крестьян и из рабочих, то они будут лишь подсобными, а в самом аппарате ни крестьян, ни рабочих н/т. Это негодится. Вся постановка ошибочна. Организация построена по шаблону, который выработан еще в старину бюрократическо-земской практикой, и это опасно: ложно построенная организация может убить дело и задавить все живые ростки.

А вот как витебский исполком определил основную задачу новой организации. «Возложить на комитеты: повести широкую агитацию и приступить к организации добровольной крестьянской помощи».

Это слишком узкая постановка. Работа не выйдет за рамки той помощи, какую в былые времена оказывали голодающим земства и общественные организации. Все дело сводится к организации добровольного сбора среди крестьян, к самокипению в потугах исполкомовских комитетов. Это, конечно, не плохо, но не того ультиматива, требует от нас грозное положение.

В основе организации на местах должны лечь следующие положения.

Организации должны вовлечь в себя рабочие и крестьянские массы и дать им возможность, под руководством партии и советских органов, развернуть свою работу и свою инициативу.

Рабочие непосредственно хлеба дать не могут, но они могут оказать могучую помощь организационной работой и у себя, и в голодной области (посылая своих делегатов), и в деревне.

Хлебный фонд для голодающих составляется в губерниях не только из добровольных пожертвований, но и путем обмена. Для этого в городах должен быть создан товарный фонд путем пожертвований и организации работ.

Такие работы можно организовать на фабриках, в мастерских и пр., как на советских, так и на частных и кустарных. Это могут быть или добровольные сверхурочные работы, или обычная работа на заказ по выработке изделий крестьянского обихода. Оплачиваются эти заказы собранными деньгами, а также теми собранными вещами, которые крестьянин в деревне не возьмет в обмен за хлеб.

Предоставить товарообмен для голодающих не только в своей, но и в других губерниях (если своя—малохлебная, но имеет значительный товарный фонд).

Теперь о крестьянах.

Здесь надо смотреть действительности в лицо, и вспомнить то, что мы хорошо знаем. Крестьянин есть крестьянин. В нем упорно держится пережиток тысячелетнего опыта—доверять официальной власти в возможно меньшем размере. Чтобы он дал хлеб голодным—а он даст, и может дать много,—надо вовлечь крестьянскую массу в непосредственную работу и самую организацию построить так и обставить такими условиями, чтобы он ей абсолютно доверял. Он должен быть уверен, что тот кусок, который он отдает в приемочную комиссию, не сгниет, не пропадет, не попадет в другое место, что над его куском есть верный (мужицкий) глаз, и под его наблюдением кусок пойдет в голодный край и попадет в руки голодного именно той губернии, куда предназначен—в Саратовскую, а не в Ставропольскую. Если все это будет ему гарантировано, он раскачается и даст много.

Все это надо признать абсолютным условием для работы, и на этом строить всю организацию. Отсюда следует:

Надо создать в низах, в деревне и волости, чисто крестьянские организации, под руководством партии и советских органов.

Необходимо самое широкое представительство крестьян с мест в уездных и губернских комитетах (наряду с рабочими).

Самый широкий контроль крестьянских делегатов над складами, погрузкой, отправкой и т. д. продовольствия. Работа их в приемочных комиссиях.

Маршруты или вагоны с продовольствием должны сопровождаться крестьянскими делегатами вплоть до места, до момента раздачи голодающим.

Использовать таких делегатов при поездах, складах и пр. в качестве агитаторов по деревням.

Провести кампанию, при хорошей предварительной подготовке, коллективных отчислений и сборов.

Таковы общие и основные, конечно, положения, которые должны быть положены в основу работы на местах. Практика, конечно, быстро укажет необходимые коррективы и дополнения.

Нельзя разбрасываться, нельзя и залезать в скорлупу благотворительного крохоборчества. Опасность момента требует от нас применения тех революционных методов работы, решительных, широких, и вместе с тем осторожных, какие уже выводили республику в критические моменты на верную и надежную дорогу.

Опытом обязательно делиться—в местных и особенно центральных газетах.

В. ДУБОВСКОЙ.

НЕ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ ЭКСПЛОАТАТОРОВ, А БРАТСКУЮ ВЗАИМОПОМОЩЬ ПРОВОЗГЛАШАЕМ МЫ, КАК СРЕДСТВО БОРЬБЫ С ГОЛОДОМ.

ТРУЖЕНИК, ПОМОГИ ГОЛОДАЮЩЕМУ БРАТУ!

Общественное питание и борьба с голодом.

Неурожай и голод, постигшие богатейшие и плодороднейшие районы республики, ставят на очередь вопрос о решительной и действительной помощи голодающему сельскому населению.

Вопрос этот чрезвычайно труден и сложен, и не только своей организационной стороной, но и по самому существу своему, а именно потому, что мы так безумно бедны продовольствием.

Принять сейчас на государственное снабжение какую-нибудь новую группу потребителей—для государства это зарез. Продовольственное положение наше сейчас и перспективы ближайшего будущего таковы, что настоятельной необходимостью оказывается не расширение, а сокращение контингента потребителей.

Поволжье, часть Украины, юг, некоторые губернии центральной России сожжены и превращены почти-что в пустыню, лишенные возможности не только обсемениться, но и прокормиться.

Сибирь и те части нашей республики, где неурожай прошел стороной, тоже переживают исключительно тяжелое положение.

Государственные продресурсы оказываются поэтому в высшей степени подорванными, государство—обескровленным, продовольственные силы его — истощенными.

Думать приходится при таких обстоятельствах лишь об одном: сократить число потребителей, привести их к одному уровню со скудными продовольственными ресурсами. Транспорт и фабр.-зав. промышленность сильно страдает сейчас от слабости государственных продресурсов. Общественное питание в городах не только не развивается, но катастрофически падает—нет продовольствия.

Положение настолько тяжело, что нет твердой уверенности в том, что специальный фонд коллективного снабжения будет к сроку и в необходимом об'еме создан, и что все коллективное снабжение не полетит до поры до времени прахом....

Город сам задыхается в тисках нищеты и разорения, с неимоверными страданиями и усилиями преодолевая невзгоды и борясь за свое существование.

И при таких обстоятельствах этому же городу, городским рабочим, городской власти силою обстоятельств оказывается необходимым взяться за разрешение нового и, поистине, страшного вопроса о помощи сельскому населению в его борьбе с голодом.

Деревня пассивна. Деревня бессильна сама придти к себе на помощь. А, между тем, помощь деревне нужна и помощь самая скорая.

Ведь в одной Самарской губернии до 1.000.000 чел. голодающих, тоже в Саратовской, немного меньше в Симбирской, много тысяч голодных в Татреспублике, в Немкоммуне, в Пензенской и других губерниях.

Нужда крестьянская выпячивается сейчас во весь свой страшный рост. Этой нужде навстречу государство уже пошло: выделяются товарные и денежные фонды, снимаются с населения налоги, организуется продовольственная помощь (Наркомпрод дал до 1.000.000 п. рыбы, сняли налоги по всем Поволжье и проч.). Но все это не решает вопроса. Нужда ширится и растет, а ресурсы государственные все слабеют.

Очевидно, нужно искать иных путей, иных методов решения данного вопроса.

Одним из таких методов и является, конечно, организация общественного питания в сельских местностях. Мы сейчас так бедны, что думать о сколько-нибудь реальной помощи крестьянству через каждого отдельного крестьянина, путем индивидуального снабжения, не приходится.

Нужна чрезвычайная, исключительная экономия средств и сил. И эту экономию может дать только коммунальное питание. Организация общественных столовых для голодающего крестьянства единственно правильный путь к разрешению «голодного» вопроса.

Некоторый опыт в этой области у нас есть. Рязанская губерния, напр., еще в марте месяце этого года организовала по 7 пострадавшим уездам питательные пункты на 140 т. человек, отпустив для этой цели специальный фонд в несколько десятков тысяч пудов разного продовольствия.

Тульская губерния построила свой план коммунальной помощи сельскому населению, исходя из общего количества 750.000 месячных продовольственных пайков, разверстанных между 12 уездами. С января месяца началась здесь организация питательных пунктов, и из месяца в месяц можно было наблюдать энергичное осуществление намеченного плана. Продовольственный фонд заключался, главным образом, в картофеле, которого было отпущено (и вполне реально) для этой цели свыше $\frac{1}{2}$ милл. пудов.

Ряд других губерний (напр., Калужская, Царицынская) делали и делают усилия в этом же направлении.

Правда, все эти усилия были чрезвычайно скромны, носили кустарнический характер, смахивали нередко на какое-то благотворительное занятие.

Под общественное сельское питание нужно подвести прочный и солидный фундамент государственного авторитета.

Нужно обязать местные органы власти поставить своей важнейшей задачей организацию помощи деревенскому населению путем организации общественно-питательных пунктов.

Нужно обязать Наркомпрод одной из первых задач своих сделать эту задачу, не бояться тех трудностей, которые, действительно, в этой области громадны, но которые именно по этой причине должны сосредоточить на себе величайшее внимание.

До сих пор в сельских местностях было декретировано лишь коммунальное питание детей, да и то за счет перераспределения.

Ныне не может быть речи о перераспределении. Оно отпадает с осуществлением декрета о продналоге.

Других фондов нет. Государственные ресурсы ничтожны. Нужно, следовательно, искать каких-то иных выходов.

И одним из выходов нам представляется развитие широкой местной инициативы, направленной на создание «голодного» фонда.

Картофель, овощи, грибы — если нет хлеба, если на хлебе нельзя строить широкой помощи крестьянству, пусть картофель и грибы сослужат эту службу. Одна Ярославская губерния могла бы в этом смысле сыграть колоссальную роль.

Кооперация и губсоюзы пусть немедля возьмутся за заготовку этих продуктов. Государство дает транспорт, рабочие и крестьяне дадут людей, советы возьмут на себя славную задачу организовать общественную помощь и руководство всем делом.

Коммунисты, в порядке партийной мобилизации, пусть и на этот раз, как всегда в минуты грозной опасности, станут в первую линию и поведут за собой в бой против голода всех трудящихся!..

Ужели не сломить этой беды? Ужели этим путем не справиться с голодом, не суметь спасти от голодной смерти умирающих?

Нужно только помнить одно—как бы ни были ничтожны наши продовольственные ресурсы, нужно во что бы то ни стало использовать все возможности.

Ведь там, где люди питаются желудями, кожей, древесиной и мохом, даже мороженый картофель будет облегчением!

Вот почему, не страшась собственной бедности, мы должны потребовать от себя, от трудящихся самого решительного и деятельного подвига на помощь голодающим.

Трудности неизмеримо велики. Но чем труднее дорога, тем больше усилий и напряжения нужно, чтобы преодолеть ее и придти к цели...

Вперед же, в дорогу!..

А. ВЫШИНСКИЙ.

Голод и общественно-полезные работы.

В нашей цепи противоголодных мероприятий отсутствует одно чрезвычайно важное звено: общественные работы. Правда, проектируются работы в Туркестане, на Кавказе (оросительные и осушительные, земляные и ж. д. и т. д.), но нет пока плана общественных работ на местах, в самих голодающих губерниях.

Между тем устройство таких работ на месте, без весьма отдаленного переселения, по многим причинам предпочтительнее: во-первых, не производится такой ломки жизни (и следовательно хозяйства) работающего: одно дело пойти на работу в свой губернский или уездный город, другое дело итти на заработки за тысячи верст; проще решается и вопрос семейный: каждый крестьянин из рабочих сравнительно охотно оставит свою семью за сотню верст, но чрезвычайно неохотно разлучится с голодающей семьей (если, разлучится: жалуется, что из Саратовской губ. крестьяне и рабочие поехали в Семиречье, вопреки всем запрещениям, с семьями), отправляясь в очень далекий путь. Во-вторых, местные органы, конечно, чрезвычайно заинтересованы в производстве работ, улучшающих состояние их городов, их собственную работу; поэтому исполкомы, конечно, напрягут все силы, чтобы поставить эти работы, как следует, во всех отношениях.

Самым серьезным возражением, конечно, является то, что общественные работы в хлебных местах снимают с пайка значительное число рабочих в голодающих губерниях. Это совершенно правильно; но не нужно увлекаться мечтою о легкости прокорма в пораженных голодом губерниях: крестьяне здесь наверное придут и рассчитывать можно только на хлеб, свозимый на государственные ссыпные пункты (по налогу, товарообмену или даже пожертвованиям). Из этого государственного фонда не так уж трудно будет перебросить хлеб и на общественные работы в голодающих губерниях, поставив эти работы, как ударные (теперь говорят: «сверхударные»!).

Почему у нас в России голод и как с ним бороться?

(Простая беседа с крестьянином).

Наша страна главным образом земледельческая. Промышленность, производство на фабриках и заводах в ней очень слабое. Только за последние годы перед войной она стала развиваться сильно и быстро. Железных дорог и пароходов у нас тоже очень мало, меньше, чем в любой соседней развитой стране. Огромное пространство ее до сих пор мало обработано, даже хороших дорог не проложено. В одном месте люди бьются на маленьких клочках земли, а в другом—огромные пространства земли, и хорошей земли, заняты либо непроходимыми лесами, либо топкими болотами, завалены буреломом и никакой пользы не приносят людям. Вовсе не бедная наша страна. Всем она богата. Если как следует устроить на ней жизнь, как следует поставить в ней хозяйство, тогда наша страна может прокормить население во много раз больше, чем она сейчас кормит, и не только прокормит, но даст возможность жить и развивать все способности человека. Найдется в ней место для хлебных посевов, которые давали бы в десять, двадцать раз больше хлеба, чем сейчас, и для посевов хлопка, льна, конопли и других растений, для развития шелководства, так что хватит одеть и нарядить не то, что 100 миллионов, а во много раз больше. В земле лежит и нефть, и уголь, и руды всевозможные, и драгоценные металлы, и камни. Все можно сделать, все можно построить, для всего найдется материал, только бы жизнь была иначе устроена. А народ? Все признают, что русский народ и другие народы, населяющие Россию, способны к самому всестороннему развитию. Наша страна показала, что она богата людьми, сильными характером, с большим умом, с богатым талантом, и все-таки про нашу страну говорят иностранцы, что «Россия—страна, в которой все есть и в которой ничего нет».

Так все отчего это? Отчего в этой богатой стране через каждые несколько лет страшный голод бродит? Не то, что по каким-нибудь нехлебородным, бесплодным местам, а по самым хлебородным поволжским губерниям—Самарской, Саратовской, Симбирской и другим. Отчего в этой стране, в которой все есть, свирепствуют каждый почти год такие страшные болезни, как цынга, голодный тиф, холера и другие болезни, которые развиваются только в стране нищей, только в стране, где люди годами голодают, живут в грязи и в полном неустройстве? Отчего в этой стране, которая изобилует лесами, самыми лучшими строительными материалами, деревенские избушки похожи до сих пор на жалкие шалаши дикарей, где рядом живут часто и люди, и скот, и трудно разобрать, кто живет лучше?

Думает над этим крестьянин, и если он верующий человек, если он верит в своего Бога, о котором ему говорили с детства, то он думает: «Бог наказывает нас за грехи наши». Если он спросит попа, поп подтвердит ему и скажет: «Да, это Бог нас наказывает за наши грехи». Что он посоветует крестьянину? Он скажет: «Молись побольше, чтобы Бог отвратил гнев свой от тебя». Это слышит крестьянин веками и так как он все еще в некоторых местах верит очень сильно таким словам, то только в одном и видит спасение, устроить молебен и просить Бога, чтобы он не так сердился, чтобы он послал дождя, не сушил землю, не бил градом хлеб и скот, не морозил бы озимые, насыпал побольше снега на поля или, наоборот, не заливал бы дождями поля, когда уже хлеб созреет. Словом, полагает, что все в руках Бога, что все—от него. Правда, местами крестьянин сознает, что это не совсем так и говорит: «Бог-то Бог, да не будь и сам плох», или «На Бога надейся, а сам не плошай». Но воля с детства убита таким понятием, что «без воли божьей и волос с головы человека не упадет» или еще проще: «Бог не захочет и чирей не вскочит».

Так вот пусть такой крестьянин подумает, может ли человек, который веками так воспитался, научиться правильно бороться со всякими неблагоприятными силами, которые портят его хозяйство. К чему все это, когда все зависит от Бога? Ведь слышит же он, как в проповедях ему говорится, что надо жить, как птицы небесные живут, которые не сеют и не жнут. Ведь верит он во всякие чудеса. Почему же ему не верить, что от усердной молитвы, от поклонов, от молебнов, от просьб, обращений к небу—все может измениться к лучшему,—даже и тогда, когда он сам ничего для этого не сделает?!

Конечно, не здесь надо искать об'яснений, они гораздо серьезнее, дальше, глубже. Ведь вот хотя бы так взять: бывает неурожай в других странах, т.-е. бывают и засухи, и слишком дождливое лето, и слишком холодная зима, и слишком ранняя или, наоборот, очень поздняя весна, ранние заморозки осенние—все это бывает не только в нашей стране; однако же, только в Китае, да в Индии бывают такие голодовки, какие происходят от неурожая в России. Только в Китае, да в Индии, потому что эти страны тоже отсталые по своему хозяйству.

Вот и Россия была до последнего времени одной из самых отсталых стран и со всеми своими богатствами она была похожа на человека, умирающего от голода среди изобилия, от жажды среди водных потоков, замерзала от холода среди огромных лесов, каменного угля и нефти; забивали деревянную чеку в колеса, когда в земле лежат неисчислимые горы всякого металла, освещались лучиной, когда у нас целые озера керосина, и можно было бы электричеством осветить всю нашу страну. Так кто же этому причиной? Кто же мешал изменить это? Где причины, что мы до сих пор так бедны, что до сих пор у нас все так неустроено, как нам выйти из этого тяжелого положения—вот что должно занимать голову всякого крестьянина сейчас, когда голод охватил снова, как в былые года, больше десяти губерний самых хлебородных.

Голод у нас не впервые. Всего только одиннадцать лет, с 1880 по 1891 год, было в Поволжье четыре урожайных года, а семь неурожайных, с 1891 года по 1921 год—за эти тридцать лет мы пережили не одну страшную голодовку, от которой погиб за это время, пожалуй, не один миллион людей, как на самых страшных войнах. А в прежние годы еще чаще бывали эти голодовки. История наша знает такие страшные голодные года, когда, как например, в Москве при Борисе Годунове, женщины с'едали своих детей или убивали их, чтобы не видеть, как они мучаются. А ведь хлеб был дешев. Какая ему была цена? Еще не так давно хлеб стоил копейка—две фунт, и продавали его везде, сколько угодно, вывозили за границу до полумиллиарда пудов и перегоняли на спирт, на водку тоже до полумиллиарда пудов; а народ, крестьяне, которые этот хлеб засевали, все-таки питались хуже, чем питались наемные рабы других стран. Не от избытка хлеб шел на продажу, не от избытка крестьяне гнали скотину на продажу, всевозможные продукты, яйца и масло, и все, что у него было, а из-за нужды. В старинной песне про крестьянскую долю поется: «Год в ту пору был голодный, стали подати сбирать, и крестьянские пожитки за бесценок продавать». Кому вносили эти подати, которые собирали в самый голодный год? Кто заставлял крестьянина за бесценок продавать последний пожиток? Веками в России правили цари, их слуги, бояре, помещики, а потом народились капиталисты, банкиры, фабриканты и заводчики. Царь со всем своим штатом, со всеми своими приближенными был ставленником этих господ, творил их волю. Сам «помазанник Божий» был в то же самое время и всероссийским кабатчиком, который полмиллиарда пудов хлеба сжигал в винокуренных заводах только для того, чтобы дурманить народ, лишить его воли, принизить его ум, не дать ему возможности развиваться и выколачивал у него добро его за водку, за спирт. Без кнута, без заградительных отрядов капиталист, маклак, торговец хлебом, помещик скупал миллионы пудов хлеба и отправлял их за границу, отправлял их не голодным, не раздавал тем, кто нуждается, а отправлял, чтобы нажить капитал, чтобы пировать в то время, когда крестьянское хозяйство оставалось убогим, крестьяне оставались неграмотными, не приобретали никаких знаний, живя рядом со своим скотом, не имея возможности поднять хозяйство.

Долгое время крестьяне и прав никаких не имели, а когда пало крепостное право, то крестьянина освободили не только от крепостного права, но и освободили его от земли. Малоземелье еще более убивало крестьянское хозяйство, не давало ему возможности развернуться. Крестьянское хозяйство давало ровно столько, чтобы с трудом выплатить подати царю, помещикам, попам и всем, кто стоял за ними. Ведь «один был крестьянин с сошкой, а семеро с ложкой». Да и подати он не мог выплатить, и огромные недоимки всегда накоплялись за ним, и время от времени в уплату недоимок у него отбирали скот, самовар и все, что можно было отобрать. Огромное множество крестьян у нас было безлошадных, бескоровных или однолошадников и с таким малым количеством земли, что, как говорится, с носовой платок и вся земля-то была. Так, что не только скотины, а и курицы некуда выгнать было. При малом количестве скота земля истощалась, не удобрялась, посев высасывал из нее соки, а крестьянин ничего не мог ей возвратить обратно. Под паром земля не успевала отдохнуть. Там, где она была бедней, неплодородной, она давала с каждым годом все меньше и меньше, а крестьянину нечего было ей дать. Хороших орудий, чтобы поглубже вспахать, получше [illegible]. [illegible] немые земли тоже не было. Вместе с тем, ввести какой-нибудь другой севооборот, скажем, многополье, для этого ни знания не было, ни подходящих семян, ни орудий, ни помощи. Выкорчевать ли лес дремучий, обсушить ли болота непроходимые, выровнять ли овраги, которые с'едают у нас каждый год не одну тысячу десятин земли, для всего этого не было сил у нашего крестьянина. Леса вырубались без всякого порядка в истоках рек, потому, что не было правильного лесного хозяйства, а от этого река мелела с каждым годом; на безлесных местах, пески засыпали, ветер выдувал посеянное зерно. Луга заливались все меньше и меньше, от этого на полях оставалось все меньше влаги, покосы становились беднее, высыхала скоро земля. Чуть погода не во время, чуть засуха захватит, или дождливое лето выпадет и гибнут посевы. Государство почти не заботилось о крестьянском хозяйстве, почти ничего не делало для того, чтобы уберечь крестьянина от беды в неурожайные годы. Вот, почему голодовки происходили так часто в самых хлебородных губерниях.

А тут еще подоспела страшная война 1914 года, миллионы крестьян были оторваны для военного дела. Всего военное ведомство поглотило в одной только России во время войны около шестнадцати миллионов человек, из них больше чем на три четверти крестьян. Все знают, как от этого пошатнулось хозяйство.

Карпаты и августовские леса, и пинские болота, и подступы к Риге, и румынские дороги усеяны густо телами русских крестьян. Щедро проливалась кровь во славу помещиков и капитала, во славу царя. Во многих местах, во многих деревнях и селах оставались одни старики, женщины и подростки. Хозяйство у многих окончательно подорвалось, посевы с каждым годом войны все сокращались и сокращались, много растений перестали совсем сеять. Страна беднела все больше и больше по мере того, как богатели банкиры и заводчики, которые наживались на крови, на страданиях миллионов людей и преступлении своих единомышленников. Фабрики и заводы перестали изготовлять сельскохозяйственные машины. Некоторые заводы наши до войны делали только сельскохозяйственные орудия, во время войны стали делать пушки, пулеметы, винтовки, патроны, снаряды, походные кухни и проч., необходимое для войны, и только 4 процента сельскохозяйственных орудий изготовлялось во время войны. Машины износились, не стало запасных частей для того, чтобы их быстро исправить. Дошло до того, что местами соху нечем исправить, сошник направить. Поломалась крестьянская телега, нет полосового железа, чтобы шины обтянуть, источилась коса, не стало самого необходимого в хозяйстве. Сколько скота погибло местами, чуть не наполовину!

Вот почему так легко произошел переворот в феврале 1917 года. Всем ясно стало, что так нельзя дальше и, когда мы увидали, что и после февраля помещики и капиталисты остались у власти и тянут на прежний путь, весь народ—и крестьяне, и рабочие, и солдаты свергли эту новую буржуазно-помещичью власть и создали власть рабоче-крестьянских советов. Думали мы разом кончить войну и все силы отдать на то, чтобы наше пошатнувшееся хозяйство восстановить, чтобы дать народу полную возможность иначе хозяйство свое устроить, чтобы не было так: одному все, а другому ничего. Рабочий класс, который веками угнетался, имеет только один интерес, уничтожить всякий гнет. Рабочий класс, который веками продавал свою рабочую силу, он имеет только один интерес, чтобы труд человека был не предметом купли и продажи, а стал источником общего благосостояния, стал трудом общественным. Рабочий класс, который сам был лишен земли, фабрик и заводов, и орудий производства, он имел только один интерес, чтобы земля и фабрики, и заводы, и все орудия производства, и все средства производства были бы не в руках отдельных собственников, а в руках всего народа, всех трудящихся в лице его государства—Советской Республики. И рабочий класс давно уже боролся за то, чтобы освободить крестьян от невыносимой кабалы помещичьей и купеческой, как он боролся за то, чтобы себя освободить от той же самой кабалы. Рабочий класс думал не только о себе, о своем рабочем дне, о своей заработной плате и о своих рабочих законах, но и о том, чтобы земля перешла в пользу народа, чтобы крестьянская жизнь была устроена лучше, чтобы была уничтожена разница между городом и деревней, чтобы деревня могла пользоваться всем тем, что добыто наукой и искусством для человечества, чтобы то, чем пользуются города, могло стать достоянием деревни. И рабочий класс со дня октябрьского переворота 1917 года всецело направлял усилие на то, чтобы к этому перейти. Но разве он может это сделать сразу? Советская Республика—молодая республика. Ошибаются те, кто думает, что свобода народа может быть завоевана в какие-нибудь несколько месяцев, в какие-нибудь несколько лет, без боли, без крови, без самой страшной борьбы. Ошибались и ошибаются те, кто думает, что капиталисты и помещики так вот, с легким сердцем и по доброй воле уступят все то, что давало им право и возможность жить за счет миллионов угнетенных рабов. Ошиблись и ошибаются те, кто думает, что можно в четыре года переделать такую огромную страну, построить ее на новый коммунистический лад. Ошибаются те, кто забывает, что ведь со всех сторон мы еще до сих пор окружены хищными врагами, не дающими нам ни дня покоя.

Советская Республика родилась в буре и огне, среди огней и крови еще не законченной страшной мировой войны, и эта мировая война и сейчас продолжается во многих странах, а кончилась она совсем не так, как нам рассказывали

Между тем польза от таких местных работ колоссальная.

Каждый исполком, если только он будет хозяйственным, использует с громадной пользой для себя каждую сотню рабочих.

В голод 91—92 г.г., как известно, царское правительство и земства ставили немало общественных работ. Если не воровали до гола чиновники, если организаторы не задавались Маниловскими бреднями, то всегда, даже тогда получался толк: общественно-полезный результат.

Каждый исполком знает, что ряд работ вопиет теперь о скорейшем исполнении (хорошо, если бы теперь же на местах приступили к выработке производственной программы). Сюда относятся, прежде всего санитарно-технические работы. Пора же, наконец, оздоровить наши города и населенные пункты. Поволжье, как ни странно, всегда отличалось бедностью доброкачественной воды—и в деревнях, и в городах. Общественные работы могли бы дать громадный шаг вперед. А очистка? Исправление канализации? Ремонт общественно необходимых зданий и домов?

Работы по благоустройству нужно бы выдвинуть на первое место.

Но и в каждой отрасли нашей деятельности нужда вопиет. Содействие под'ему промышленности? Земледелия? Транспорта? Улучшение шоссейных дорог? Ремонт мостов?—и т. д., без конца.

При правильной организации местных общественных работ, голодающие губернии могли бы выйти из несчастья окрепшими, улучшенными. Их пострадавшее население этого заслужило.

Н. СЕМАШКО.

КРЕСТЬЯНИН ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ! ЕСЛИ В ЭТОМ ГОДУ ТЫ НЕ ПОМОЖЕШЬ ЗАСЕЯТЬ ПОЛЯ ПОВОЛЖЬЯ, ТЕБЕ ЖЕ ПРИДЕТСЯ ТРУДНЕЕ В БУДУЩЕМ ГОДУ. ВСЯ ТЯЖЕСТЬ ПРОДНАЛОГА ПАДЕТ НА ТВОИ ПЛЕЧИ. ПОДУМАЙ НЕ ТОЛЬКО О СЕГОДНЯШНЕМ ДНЕ, НО И О ЗАВТРАШНЕМ.

Текстильщики на помощь голодающим.

Имели ли в виду поволжские крестьяне два года тому назад, что постигнет их несчастье. Придется ждать помощи не только от крестьян урожайных местностей, но и от рабочих, которые в течение 4-х лет находились в отчаянных условиях в смысле продовольствия; одна часть рабочих с оружием в руках вела борьбу с врагами Советской власти на фронтах, а другая часть при скудном питании—продолжала вести работу на фабриках и заводах-мастерских. Во время перерыва работ на фабриках—по декрету на отпуск, или за неимением сырья и топлива рабочие выбирали время, чтобы отправиться за поисками хлеба, конечно, в урожайные местности, куда отвозили все, что называется свои рабочие пожитки вплоть до рубашки, не говоря уже о той мануфактуре, которую приходилось им получить по карточкам Наркомпрода. И вот, когда теперь узнала вся Советская республика, что местность Поволжья в количестве 9 губерний с населением 14 миллионов жителей, постигло горе, а именно: голод от неурожая, то со всех уголков республики стали раздаваться голоса: «На помощь голодающим». И в первую очередь раздался крик: «На помощь», со стороны фабричных, тех, которые два года тому назад и менее были там в поисках за хлебом. На фабриках, заводах и мастерских рабочие стали в первую очередь обсуждать на митингах, собраниях—вопрос о помощи голодающим Поволжья. И на всех собраниях выносились постановления о необходимой помощи, кто чем и как может помочь. Правда есть еще возгласы хотя очень редкие: «Да помочь-то-помочь, а давайте-ка вспомним, как они нам помогали, как приходилось почти последнюю рубашку отдавать и то упирались; мы, мол, этого добра набрались, нельзя ли чего-нибудь особого, вроде какой-нибудь [illegible] или колечка» и так далее и тому подобное. Вот приходилось перетерпеть и пережить. Но верно на [illegible] было таких [illegible], когда [illegible] все свои [illegible], а [illegible] хлеба только для голодной [illegible] своей семьи. Да я должен, конечно, извиниться, что сказал то что было, но думаю—об этом нужно подумать и другим, что необходимо всегда ставить пред собой вопрос: «а вдруг сами очутимся в бедственном положении». И пусть зададут себе такой вопрос не только рабочие, но и крестьяне, особенно, т. е., у которых в нынешнем году урожай.

Но рабочие, если они сами будут находиться в отчаянных условиях, придут на помощь голодающим. Уже идут. Я указывал выше, что на собраниях выносятся постановления: «Немедленно помочь, кто чем может». Но, такую помощь я думаю надо провести во всероссийском масштабе. Среди текстильщиков, чтобы она проходила организованным порядком, после чего получилась бы реальная помощь голодающим. Поэтому предлагаю: 1) Руководящим органам текстильной промышленности об'явить на всех фабриках, заводах и мастерских—отработать несколько дней сверх обыденной работы в помощь голодающим, и выработанный продукт передать в орган Наркомпрода, или рабкооператива, а там, где фабрика еще не пущена в ход, то отчислить денежный заработок и все полученные отчисления, продукт собственного производства передается в рабочий кооператив, последний в свою очередь немедленно должен направить в урожайные местности в обмен на хлеб, который без больших волокит должен направиться в голодающие губернии.

2) Кроме этого, для нас не секрет: там, где в настоящий момент голод, там и свирепствуют всевозможные болезни, эпидемии, а эти болезни происходят от нечистоты и грязи, а для того, чтобы маломальски этого избежать, необходимо туда направить мыла, чесоточную мазь. Мы хорошо знаем, что у нас имеется мыла в обрез, т. е. мало и то количество заводов—мыловаренных—работает не полностью. То и здесь текстильщики могут прийти на помощь, а именно: дать боевое задание от центрального комитета В. П. С. Т. и главного правления текстильных предприятий, чтобы немедленно приступить к выработке на красильно-аппретурных фабриках, как мыла, так и чесоточную мазь. Кроме этого на этих же красильно-аппретурных фабриках и химических мастерских текстильных фабрик можно изготовлять чесоточную мазь. Я думаю каждому не секрет как в ней нуждаются крестьяне, когда там почти нет таковой.

3) Я знаю, что рабочие текстильщики никогда не были пассивны к какому-либо зову со стороны центра, хотя как я уже говорил, сами были голодны и в холоде и поэтому глубоко убежден, что, если будет призыв, то они не отстанут и теперь. Я хочу два слова сказать о фабричных кооперациях, которые будут получать для рабочих той или другой фабрики продовольствие, то можно будет с каждого поступления на фабрику муки или ржи сделать %% отчисления, и это отчисление передать в распоряжение местной комиссии по борьбе с голодом.

4) Необходимо точно учесть на местах фабзавком и отделам Губсоцобеза [illegible]: какое количество мест можно иметь в виду в очагах, яслях и приютах для детей, могущих прибыть из голодающих губерний, а если таких нет, то можно рассчитывать на их открытие, и что для этого требуется—нельзя ли все провести боевым порядком местными силами.

5) Кроме этого, приблизительно, к 1-му сентября дать точные сведения: сколько потребуется на ту или другую фабрику чернорабочих, далее возчиков, упаковщиков, уборщиков хозяйственных рабочих, печников, плотников, слесарей, ткачей, прядильщиков и т. п. и дать все сведения в свой центральный союз для переброски на места для тех или иных работ по соглашению с Наркомтрудом. Я сказал не поздно, то быстро указать, в особенности, где имеются совхозы, надо ли немедленно перебросить рабочую силу из голодающих губерний на совхозную работу по уборке и обработке полей и огородов. Я думаю, что многие еще могут предложить места, для чего потребуется им рабочие силы и чем могут помочь голодающим.

Товарищи текстильщики. Вы не отказывались итти на фронт с оружием в руках, отбивать, побеждать врага. Вы не отказывались голодные-холодные итти в лес на заготовку топлива для фабрик. Вы не боялись итти в продорганы для того, чтобы у кулака брать хлеб для прокормления Красной армии и рабочих. Вы голодные тоже, немного лучше тех голодных, о которых идет речь. Но, то бедствие, которое переносит в настоящий момент Поволжье хлебородных губерний, сильнее и серьезнее. И тот звон, который раздается оттуда, мы должны услышать, даже услышали, и поэтому призываю вас притти им на помощь.

И. КУТУЗОВ.

ЦАРСКИЙ МИНИСТР ДУРНОВО ДАЛ ПРИКАЗ ВО ВРЕМЯ ГОЛОДА—НЕ ПОМОГАТЬ КРЕСТЬЯНАМ, ПРИНИМАВШИМ УЧАСТИЕ В АГРАРНЫХ БЕСПОРЯДКАХ.

НЕ ПОМОЩЬ, А ЛЮТЫЕ КАЗНИ ДАЛИ БЫ ГОЛОДАЮЩИМ КРЕСТЬЯНАМ ПОВОЛЖЬЯ КАПИТАЛИСТЫ И ПОМЕЩИКИ, ЕСЛИ БЫ ОНИ ВЕРНУЛИСЬ К ВЛАСТИ.

Человек, питающийся лебедой.

На ст. «Актюбинской» я увидел, как один старик поднял с земли комок грязи и с'ел его.

На полуторатысячеверстном пути по линии железной дороги от Поволжья, через Киррреспублику, и по Туркестану идет потрясающее передвижение сотен тысяч стариков, женщин, детей и просто рослых трудоспособных мужчин.

Они уже хлеба не просят. Они умоляют дать им хоть «заплесневелую, ненужную корочку».

Безропотно двигаются вперед по необ'ятной стране, где есть люди, хлеб и сострадание. Их упорное, сосредоточенное молчание нарушается только для того, чтобы просить.

Невольно вспоминается другая страничка из многострадальной книги последних лет...

Это было осенью 16 года. Под'езжая к Полесью, я видел, как на громадном протяжении вдоль железной дороги протянулась скорбная лента бесчисленных могильных крестов. Это таяла волна беженцев.

Их могильные кресты—главным образом, бедняков—образовали вторую линию железнодорожных щитов против снежных заносов. И тогда, ни колоссальные, в сравнении с теперешними, материальные ресурсы страны, ни мощные тогдашние организации, не спасли от неизбежного вымирания массы бежавших из огня империалистической бойни.

Кто же сумеет себе представить количество людей, уже гибнущих от голода и холеры на одних только железнодорожных путях при наших условиях, при нашем страшном, но понятном даже голодающему крестьянину, обнищании? Поэтому он не ропщет, а только просит, умоляет о помощи.

Один крестьянин рассказывал мне в Самарской губернии о выпечке «лебеды».

— У нас в деревне берут липовый лист, конский щавель, накрошивают мелкою с водой и вываривают. Потом, как закипит, выжимают воду и кладут опять в кипяток; после подержат в решете, высушат, натолкут и подбавят третью часть муки. Хлеб получается зеленый, а идешь «до ветра» тоже зеленым. А больше, так как муки ни у кого нет, мы прибавляем конского щавеля. Только вот плохо—оно хоть и ничего на вкус, но человек скоро пухнет и помирает, а в животе черви заводятся...

Нужно во что бы то ни стало остановить неорганизованный поволжский исход крестьянства, иначе три четверти его погибнет и повлечет за собой гибель еще большего количества оседлого населения от эпидемий.

Необычайная трудность учета этого потока делает совершенно невозможной государственную и общественную помощь. Пришлось бы на громадной территории держать мертвые запасы продовольствия на случай прохода голодающих, а таких запасов у нас нет и сейчас быть не может.

Мало того. В Оренбурге имеется учреждение, которое нанимает голодающих на постройку железнодорожной [illegible] ветки. Постройка ветки своевременно связывает нас с оторванным богатым Семиречьем. Несколько партий я встретил на ст. «Эмба». И у них такой же голодный вид, как у остальных. Выяснилось, что в Оренбурге им выдали по 2—3 фунта хлеба и отправили. Затем начались бесконечные простои на станциях, где никаких продуктов им не выдавали. Ясно, что партии, если и доберутся когда-нибудь до Семиречья, то уже в состоянии, совершенно непригодном для физической работы.

Отсюда вывод: правильная постановка найма на государственные работы настоятельно требует такого же серьезного отношения, как снабжение продовольствием.

* * *

«Человек, питающийся лебедой»,—такова была кличка русского крестьянина в царской России.

Это название прочно держалось за ним и в годы урожая, ибо почти все «сверх лебеды» должно было итти в амбары к помещику.

Лебеда была тем прожиточным минимумом, на который имел еще право крестьянин, когда «белая кость» бесновалась от баснословных доходов в диких кутежах и оргиях.

Борьба за победу рабоче-крестьянской власти обошлась дорого не только помещикам, песенка которых оказалась безвозвратно спетой, но и стране.

Разве легче было питерскому рабочему сидеть на овсе в напряженные дни обороны против банд Юденича?

Лебеда и овес—вот тяжелые этапы того великого пути, по которому пошел трудовой народ в четырехлетней борьбе за окончательное свержение класса угнетателей, за укрепление Советской власти, и он победил.

Мы справимся и с новым испытанием.

Необходима еще крепкая, небывалая работа нервов.

Товарищи-коммунисты! Если вы сумеете и на этот раз сделать свои нервы стальными, то вы создадите ту плотину, которую не прорвет никакая стихия.

Переселение до известного времени является безусловной необходимостью. Пока еще не переброшено достаточно хлеба в Поволжье, никакими усилиями крестьян в значительной их части не сдержать на месте.

Но необходимо создать русла, по которым они могли бы организованно продвигаться при самом тщательном учете.

На Украине, в Семиречье, в Донецком бассейне найдет себе применение много новых рабочих рук, при чем в местах наибольшего накопления переселенцев, соответственно, следует сосредоточивать хлебные запасы.

Царская власть посылала в голодные губернии двойное число исправников, «чтобы бунт пресечь».

Советская власть бросает все лучшее, все честное на помощь голодающим.

Она всколыхнула страну для единодушной помощи. Полуголодный рабочий, красноармеец делится на последнего с голодным крестьянином.

Все, что есть честного во всем мире, придет на помощь, и костлявая рука голода будет отрублена.

Но нужно торопиться, как никогда.

Жуткие картины Поволжья врываются в душу на всю жизнь, как новое испытание героической страны, как призрак разрушенного, невозвратного прошлого...

САМ. РАФАЛОВИЧ.

„Чем хуже—тем лучше".

Знакомый старый писатель рассказывает:

— Встретился на днях с двумя коллегами по прежней литературной деятельности. Физиономии постные, а в глазах—еле скрываемая радость. Один говорит:—слыхали? на днях Ленин заявил: голод?—это ничего не значит. Во имя революции можно допустить, чтобы вымерло еще 15 миллионов народа—интересы революции прежде всего... Я возмутился, спрашиваю:—неужели вы, старый писатель, верите подобной чепухе?.. Немного помялся, но скоро оправился.—Ну да, вероятно это было сказано не совсем так, но смысл такой... А лицо попрежнему постное, и в глазах радость.

После октябрьских дней их таких много появилось. В последние месяцы «их него полку прибыло» и довольно значительно. Пополняются их ряды прежде всего из старой дореволюционной интеллигенции, распавшейся и раздвоившейся на «ся». Это—«поумневшие» и непра[illegible]вшие,—те, у которых мысль о свержении Советской власти превратилась в навязчивую, почти бредовую идею.

Одно время, казалось, что «вожделенный миг» совсем близок. Ближе и ближе раздавались залпы орудий черных генералов; подобно космам фурий развевался дым от пожаров; как щепки взлетали вверх огромные стопудовые балки мостов, торчали обгорелые голые остовы вагонов и паровозов...

— Они ждали...

Но всегда случалось: в самый напряженный момент со стороны ненавистных красных усиливался ответный орудийный огонь, пополнялись поредевшие ряды и черная рать в беспорядке откатывалась.

Обманутые в своих ожиданиях друзья черных армий, оставшиеся в осажденной красной крепости, тлунели, ожесточались и делались политическими маньяками.

Тысячи и тысячи считавших себя «мозгом нации» не просто правели, а глупо, идиотски правели. Опускались до зоологического лобазного антисемитизма, делались религиозными ханжами, занимались столоверчением и вызыванием загробных духов, ходили к гадалкам, сеяли сплетни, панику, ложь, клевету и вздор. И ждали...

Сейчас они с особой надеждой «взирают на будущее».

Стихийная беда обрушилась на Советскую Россию. Может быть неурожай и холера сделают то, что не удалось ни могущественной Антанте, ни черным генералам...

И они «работают»...

Прежде всего они рады и стараются передать это другим.

— Какой ужас! Рассказывают невероятные вещи о Поволжье...

Не верьте: никакого ужаса у них нет. Наоборот, они втайне рады. Чем хуже—тем лучше...

Сокрушенно они вздыхают:

— Что могут сделать большевики? Чем помогут?

А «про себя» надеются: хорошо, если бы «у них» ничего не вышло... Чем хуже—тем лучше...

Только бы свергнуть большевиков...

Но за словами о большевиках притаилось страстное желание отомстить рабочему, красноармейцу, крестьянину. Ибо «поумневшие» считают их в массе большевиками даже тогда, когда эти массы начинают колебаться и настраиваются враждебно от голода и истощения.

— Жили 150 миллионов дураков, да и тех вши с'ели...

Может быть, теперь доедят...

Они «работают».

По городам и весям ползут панические слухи. Распространяется ложь, глупость. В огромной мере—это дело «поумневших». Послушайте только, что они говорят, что они только говорят! У них все железные дороги уже переданы иностранцам, Волга переполнена трупами и т. д., и т. д.

Чем хуже—тем лучше. И обыватель теперь все больше [illegible].

А потом?

Потом—надеются «поумневшие»—придут они, наученные и умудренные горьким опытом. Они принесут с собой «благоприобретенное» за годы революции: ненависть и презрение к «150 миллионам», религиозный атавизм, столоверчение, веру в гадалок, черносотенную отсталость, погромный энтузиазм и назовут все это воскресением России и спасением мужика от голода.

Над Советской Россией стряслась большая беда. Преступно молчать о ней, еще более преступно болтать вздор и сеять панику. Нужно внимательно и трезво учесть размеры бедствия и действовать, призвав к работе всех «в ком дух жив».

Но «поумневшие» и радующиеся ошибаются и на этот раз. Не случится над Россией нового несчастья. Не станут ей распоряжаться вплотную в слабоумные «поклонники мракобесия и апостолы невежества», ибо слишком трудное и ответственное время мы переживаем.

Одна из задач по борьбе с голодной бедой заключается в том, чтобы трудящиеся с презрением отвергнулись от тех, кто радуется сейчас, смотря на голодное Поволжье, кто хихикает, потирает руки от удовольствия, кто распускает панические слухи и сплетни. Изолировать духовно их от себя, это, серьезное теперь дело. Это спасет многих и многих от голодной смерти в поволжских степях.

А. ВОРОНСКИЙ.

Илья.

Весь израненный в тяжких боях,
В солнцем выжженных волжских степях
Пал в бессильи былинный Илья.
Застонала родная земля.
Сила народная,
Воля могучая
Тяжко терзает бесплодную
Пашню горючую,—
Мать дорогую свою.
Ту, что родила Илью.

* * *

Шепчет поникший Илья:
— «Матерь, землица моя,
Ты мою силу верни,
Мощь мне былую вдохни.
Кости разбитые,
Раны глубокие
Кровью залитые
Лаской своей исцели ты их:
Дай мне за правду опять
В честном бою постоять».

* * *

[illegible] под землей,
Носится смерть над Ильей,
Слышит со всех он сторон
Веча народного звон.
Вот поднимаются...
Лесом чернеются,
Морем волнуются и разливаются,
Алой зарей озаряются,
Толпами мерно идут...
Это—народный встал труд.

* * *

Снова, как вечная мать,
Мощь источает земля.
Снова, как вечная мать,
Жизнь ему силится дать.
Снова сторицею
Рожью-пшеницею,
Взращенный мощным Трудом
Сыплет янтарным дождем
Во всенародную ширь...

И—поднялся богатырь.

А. СЕРГЕЕВ.

Тридцать лет.

(БЫЛОЕ).

Если оглянуться, так тридцать лет, как один день.

И за этими тридцатью годами мреет сожженная Волга, иссохшие, над которыми и ворон не каркает, поля, и Самара с порыжелыми домами, и над всем все заслоняющая, раскаленно нависшая пыль.

А люди с иссохшими руками и ногами, с безумием в воспаленных глазах; и голодные мухи липы на мертвых окошках.

Голодный тиф, костлявый, поджарый, залитый красным жаром пятнистый старик ходит, ходит, заглядывает в хаты, и когда заглянет, там начинают молча блестеть остекленевшие глаза.

Ходит красный старик, залитый непотухающим жаром, ходит, заглядывает в овины, и овинах пусто. Заглядывает в риги, в ригах пусто. Заглядывает в сарай, в хлевы, в хлевах пусто. Везде стекленеют застывшие глаза.

Трудится, день и ночь ходит залитый жаром старик и не успевает во всех заглянуть,—еще есть живые. Вон у дороги шевелится.

Нечеловечески обтянутые кожей кости лежат в раскаленной пыли у дороги. И нечеловечески тонкая рука колышется и тянется, и истрескавшиеся, как земля, губы шелестят:

— Хле...буш...ка...

Нет тебе хлебушка, потому что богатейшие поля при всех возможностях бесплодны. Нет тебе выхода, потому что проклят ты проклятием царского рабства.

А не хлебушко-ли?

Какие длинные, какие высокие возы катятся!

Как хорошо упакованы. Пыль вьется; споро бегут взмыленные маштаки. Не с хлебушком-ли спешат? Нет, это сороковки катятся мимо в царские казенки.

А не с помощью-ли идут к голодным добрые люди?—заклубилась вдалеке жаркая дорога под усталыми ногами.

Нет, то урядники гонят в далекую ссылку сельских учителей, учительниц, студентов, молодежь, приехавшую в деревню кормить голодных детей, женщин, стариков,—торопливо гонят в ссылку, боятся, чтоб не открыли они темные глаза мужиков на царя с кровавыми клыками.

А вот не эти-ли с другой стороны спешат на подмогу к голодным?—закурилась пыль с другого конца.

Нет, едет в экипаже помещичья семья, и пристяжные вьются кольцом, туго натягивая постромки. Какие милые дети в экипаже! какие розовые! как трясутся откормленные щечки!

А помещица, нарядная, белотелая, зажимает алый рот батистовым платком и говорит:

— Ах, Иван! зачем поехал сюда. Вон у дороги мужики, наверно зараженные.

Подхватывает сытая тройка, сливаются спицы в сплошной круг, а милый ребенок с розовыми щечками спрашивает:

— Мама, отчего они такие костлявые?

— Оттого, душечка, что ленивые, не хотят работать, как следует, у нас в имении.

Колышется нечеловечески обтянутая протягивающаяся рука, шелестят полопавшиеся, как почернелая земля, губы:

— Хле...буш...ка...

Да уж не эти ли тяжело надвигается помощь?

Медленно тянется нескончаемый обоз, далеко тянется по дороге, оставляя неподвижную пыль.

Уж не хлебом-ли гружен? или сухарями? Или, может, картошку везут?..

Нет.

Так что же такое, наконец?!

А это у одного царского сановника в имении из земли ручей бежал; и воду в нем очень хорошо лошади пили. Так сановник назвал ручей «Кувакой», об'явил воду целебной, поместил в газетах рекламы об этом и стал наливать воду в бутылки, грузить и тысячами подвод и вагонов развозить в Москву, Питер, и Ярославль, в Воронеж, во все города России. Господа в ресторанах вкусно обедали по пяти, по семи блюд и промывали изнутри брюхо, чтобы больше лезло, «Кувакой». Господа промывали брюхо, а сановник, ухмыляясь в бороду, сгребал деньги за «Куваку».

— Хле...буш...ка!..—и колышется, как тростиночка, нечеловечески иссохшая рука; и не плачут иссохшие слезы; и не ждет помощи.

А помощь тут, как тут!..

Катится лакированная карета, блестя зеркальными окнами; хрустят песком шинованные колеса; висит изнеможенно пыль.

Помощь!!.

Сидит в карете кусок мяса, красный, с отвислыми щеками, с масляными заплывшими глазками, и пот бисером проступил по мясу от трудов—помогал голодающим.

Испугалось царское правительство, вымрет дочиста мужик,—некому будет работать в помещичьих имениях, и послало на голод банкира, чтоб купил хлеба и роздал голодным,—этот уже не станет поднимать веки над тяжелыми глазами мужика на царско-помещичьи порядки.

Стал трудиться банкир. Дешево закупил отрубей, вволю, всыпал туда хорошего песку, разбавил для здоровья куколем, разболтал для запаха горсточкой мучки, стал грузить и развозить по голодным местам.

Вяло хрустят царским песочком голодные, безучастно глядя перед собой остановившимися глазами.

А банкир спешит восвояси,—устрашился.

Отчего же так тяжело гнутся под каретой банкира рессоры? Отчего с таким хрустом катятся колеса? И отчего так тяжело сидеть в просторной карете банкиру?

Оттого, что вся карета завалена плодами трудов его—мешками с золотом, мешками с золотом, почерневшими от крови, от человеческих мук и страданий.

400 процентов нажил на помощи голодным банкир. И спешит, и торопится в Питер, свалить в стальные камеры банка почервонелое золото.

И не слышно уж:

— Хле...буш...ка...

И, простираясь над всей страной, веет зловещая тень двуглавого орла и спешащего банкира, и червленое золото в осевшей карете, и сытую тройку помещика, и бесконечные обозы «Куваки», и торопливо бегущие возы монопольки, и пятнисто-красного от жара старика, который все заглядывает в останавливающиеся, остекленевшие очи мужиков.

Тридцать лет, тридцать лет назад!

А. СЕРАФИМОВИЧ.

В голодных местах.

Чуваши.

Чуваши, населяющие автономную область, занимаются исключительно земледелием, не зная иных промыслов. Весь свой скудный и незамысловатый годовой бюджет они строят на земледелии. В тяжелые времена царской и гражданской войны, вследствие отвлечения большинства рабочей силы в армию, пала до невероятных размеров урожайность. Скудная почва, плодородие которой поддерживалось тщательным и любовным уходом за нею, истощила свои последние питательные соки. Население израсходовало все свои запасы. В критический момент гражданской войны, когда Советская Республика была отрезана от хлебородных областей (Украины, Сибири, Кубани), Чувашская область беспрекословно и аккуратно выполняла разверстку. В прошлом году, несмотря на плохой урожай, она выполнила 185% разверстки.

Теперешний неурожай создал ужасное положение. Большая часть населения уже перешла фактически на травяное питание. Приготовление пищи из трав и листьев повело к громадной заболеваемости и к смертности, особенно среди детей. Население режет домашний скот и птицу на мясо. Число преступлений (воровство, грабеж) растет. Вереницы нищих тянутся в город, но не могут здесь набрать не только на хлеб, но и на стакан молока: цены недоступны.

Родители с голодными изморенными детьми осаждают управление соцвоса, прося принять детей в детские дома и приюты, и приходится отказывать, так как детский дом-распределитель в гор. Чебоксарах рассчитан лишь на 20 чел. детей.

Надежда на урожай хлебов пропала окончательно. Рожь выгорела без налива. Яровые хлеба местами не взошли совершенно, а в некоторых волостях еле пробивают высохшую и отвердевшую корку земли, а где взошли—пожелтели от бездождья. Даже картофель, последняя надежда чувашей, пропал во многих местах. Чуваши обращали свои мольбы о ниспослании дождя и к языческим, и к христианскому богам. Под развесистыми деревьями приносили они кровавые жертвы: закалывали овец, лошадей. Собирали попов из многих приходов и торжественным выносом икон справляли общественную молитву. Ничто не помогло.

Почти 800-тысячное население трудолюбивейшего чувашского крестьянства обречено, за небольшим исключением, на весь ужас голода. Оно ждет помощи от рабочих и [illegible] счастливых губерний—кто чем может помочь. Надо помочь чувашам, как они помогли Республике в тяжелое для нее время, отдавая ей последние запасы.

Саратовская губ.

В Вольском уезде.

После прошлогоднего неурожая и того огромного напряжения, с которым крестьяне засеяли всю назначенную Советской властью площадь, высевая последнее, грянула беда, новый, еще более страшный неурожай. Началось переселение оседлых крестьян или коренных земледельцев на новые места. Наивные, не зная положения в других краях, верящие слухам и «вымыслам», о небывалой роскоши и подробностях, которое не повсюду видно, и официальным известиям, одни говорят: «Еду, куда глаза глядят», другие к землякам в Азию, в Сибирь». Распродажа домов и всего скарба за дешевую цену стала обычным явлением.

Появились уже и аферисты. Называясь инженерами или агентами предприятий из Азербейджана, Кавказа и других пунктов, они нанимают крестьян на работы, суля и хлеб, и деньги, и

всякие лгуны или в буржуазных газетах. Не миром всего мира она закончилась, а еще большим насилием, еще большей жестокостью победителей к побежденным, еще большим раздором, и сейчас мир во всех странах несет в чреве своем семя новых страшных войн, еще более ужасных чем та, которую мы пережили. Так как же могли они потерпеть, что среди них жила свободная Советская Республика, где над крестьянами нет палки помещика, над рабочими нет палки капиталиста? Стиснули, сдавили нас удавным кольцом блокады, и ни один пароход, ни один вагон с товаром не мог пройти уже из других стран. А ведь наша промышленность и до войны была такая слабая. Наши фабрики и заводы не могли выработать того, что надо для нашего крестьянина. Мы отправляли за границу для переработки и кожу, и шерсть, и лен, и дерево, и руду, и получали оттуда в готовом виде и ткани, и обувь, и машины, и инструменты всякие. И вот, когда нас таким кольцом сдавили, мы дошли до еще большего обнищания, до еще большей разрухи нашего хозяйства, как земледелия, так и промышленности. Правда, нужда нас многому научила, и мы за это время сумели много сделать того, чего раньше мы не умели делать, за чем мы обращались к другим государствам. И все же наша промышленность еще такая слабая, железные дороги так разрушены, что без заграничной промышленности нам восстановить наше государство невозможно, а к этому прибавилось то, что вся Россия была разделена: Сибирью владел Колчак, Кубанью, Крымом и вообще всем югом, Украиной владели поочередно всякие правительства, как Каледина, Краснова, Алексеева, Корнилова, Скоропадского, Петлюры, Деникина, Врангеля; севером владел генерал Миллер, западом—Юденич, Уралом—Дутов, и приходилось нам с винтовкой в руках бороться с нашими врагами, истекая кровью, вместо того, чтобы мирно трудиться на земле и у станка. Конечно, тут можно было только с большими трудами выйти живым из борьбы, а мы вышли живыми, потому, что мы все были заодно, рабочие и крестьяне. Мы всех наших врагов победили, но мы не победили главного врага, который везде проник, везде засел—разруху; ее мы еще не победили.

Но мы ее начали побеждать. Советская власть с самого начала поставила дело так, что раз мы разрушили старое здание капитализма, надо строить новое, но строить его основательно, чтобы фундамент был крепок. Какой же может быть фундамент у нового порядка? Отчего страдало крестьянское хозяйство раньше? От низкой техники, от того, что не было хороших орудий, нечем было добывать огромные природные богатства страны. Силы рук и лошадиной силы для этого нехватало. Для этого надо, чтобы огромные залежи угля и запасы дров были бы истрачены не на ветер, а чтобы они создали для крестьян и для рабочих другую обстановку жизни; а для этого надо эти огромные запасы угля, леса, нефти, горючих сланцев и торфа и силы наших рек использовать для того, чтобы они приводили в движение электрические машины огромных электрических станций, которые давали бы силу рабочим станкам и сельскохозяйственным машинам, которые дали бы свет не только городам, но и самой глухой деревушке. Для этого надо не только восстановить в прежнем виде наши железные дороги, фабрики и заводы, но надо их расширить, использовать так, чтобы мы не нуждались в том, чтобы посылать за границу наше сырье для его обработки, а сами могли бы все это сделать. Для этого надо, чтобы рабочие и крестьяне были не только поголовно грамотны, но и получили знания, как построить жизнь, как поставить по-новому хозяйство. Для этого надо, чтобы в наших университетах, сельскохозяйственных академиях, лесных и горных институтах, инженерных училищах учились не барские сынки, а дети рабочих и крестьян. Для этого надо поставить крестьянское хозяйство на новый лад, чтобы пущены были в ход лучшие машины. Тогда земля, которая сейчас едва дает 40—50 десятин, даст легко все 200 пудов десятины зерна. Для этого надо, чтобы крестьянин перестал верить в чудеса, в гнев и милость божию, а верил бы только в силу своего разума, в силу общественных интересов и надо, чтобы крестьянин и рабочий друг-другу помогали в этом трудном деле.

А для всего этого надо, чтобы крепка была Советская власть, которая одна это может провести в жизнь.

А сейчас,—что же делать сейчас? Вот пришла беда, отворяй ворота. Ведь мы знаем, что во многих местах крестьяне умирают с голоду, и дети, и взрослые, и неурожай потому-то и страшен в этом году, что он застал нас в начале нашего под'ема. Мы только-что прекратили военную борьбу, только-что начинали мирно работать. Правда, нам еще мешали и мешают бандитские шайки, которые помешали полному засеву полей во многих местах, которые помешали вывезти хлеб, разграбили амбары. Мешает нам и то, что за границей сидит—кроме иностранных капиталистов, помещиков—до двух миллионов русских капиталистов, помещиков, фабрикантов, заводчиков и их слуг, и сидят они там, как обозленные псы, готовые нас растерзать, и обращаются к правительствам всех стран и говорят: «Не помогайте проклятым большевикам, не помогайте этим русским хамам, которые не захотели нам покориться, пусть сдохнут с голоду, пусть погибают за то, что нас не послушались». Но сумели, ведь, мы справиться с ними, когда они стояли во всеоружии, когда у них были и танки, и пушки, и аэропланы, и превосходили они нас и числом, и техникой военного искусства, а мы превзошли их только тем, что были мы дружны, рабочие и крестьяне, что была у нас одна семья, что крепко отстаивали мы Советскую власть, что в нашу борьбу мы умели вкладывать все лучшие силы, знание, волю и весь свой ум, ничего не жалели для того, чтобы наша Красная армия могла победить. В этом и сейчас выход.

Не надо терять голову, руки опускать. Страшен для нас голод, если мы скажем: «Ну, что же, Бог дал, Бог и взял, на то воля Божья». Страшен для нас голод, если мы не сумеем встряхнуть всю нашу страну от первого человека до последнего, чтобы он все свои помыслы отдал на то, чтобы изжить [illegible]. А если мы возьмемся всей дружной семьей, если каждый отдаст то, что он может отдать для спасения голодающих, мы этот голод изживем и не допустим до гибели сотни тысяч и миллионы людей. Это мы должны сделать и сделаем. И, конечно, в первую голову должны это сделать крестьяне тех местностей, где в этом году хлеб уродился хотя бы сколько-нибудь хорошо. В первую голову должен быть собран продналог, и каждый должен думать, когда сдает, что часть собранного пойдет на немедленную помощь погибающим братьям. Каждый крестьянин, который сдает пуд хлеба или какого-нибудь другого продукта, будет знать, что он протягивает руку помощи миллионам голодающих братьев, ждущих этой помощи, что он спасает хозяйство миллионов людей. Пусть каждый крестьянин подумает: «А не могу ли я что-либо прибавить к этому, может я обойдусь в своем хозяйстве тем, что у меня останется?». Он должен об этом подумать, он должен добровольно не только продналог сдать, он должен отдать все, что он может, на помощь голодающим. И если он свой первый долг выполнит перед всем трудовым народом Советской трудовой России, то он этим укрепит нашу промышленность.

Помните, товарищи-крестьяне, голод, неурожай будут нас еще не один раз бить, если мы не поддержим рабочий класс городов, и если не обеспечим ему вполне сытого существования, чтобы он мог спокойно работать у своих станков, чтобы он мог забросать деревню инструментами и машинами и другими продуктами своего производства, тканями, обувью, посудой и всем необходимым в крестьянском обиходе. Помните, что мы будем постоянно под угрозой бича голода, если рабочий класс не будет иметь силы построить густую сеть железных дорог, двинуть по рекам огромные флотилии пароходов и по дорогам сотни поездов, чтобы из края в край быстро передвигать природные богатства России, если он не сможет построить машин-великанов, чтобы извлекать из недр земли лежащие в ней богатства, чтобы отдать их на пользу всему народу.

Мы будем жить, как деды наши жили, в темноте, если рабочему классу не дадим силы провести электрификацию, которая одна только может нас спасти в будущем от угрозы голода. Если же мы рабочему классу поможем, тогда для нас может быть уверенность, что мы поборем голод не только в этом году, но поборем его на многие годы вперед. И тогда, если тоже придет засушливый год, может быть и не раз, а у нас будут заложены глубокие колодцы, водопроводные трубы, каналы, водоемы, и в них в самую засуху будут запасы воды, чтобы пустить на поля, иссохшие от зноя. Вместо вырубленных у нас хищническим образом лесов, мы насадим новые леса. Мы сможем пустить под обработку гораздо больше земли, и каждая десятина земли даст нам возможность прокормить во много раз больше народу, чем теперь. «Да, скажет крестьянин: все это в будущем. Все это для будущего. А теперь, сегодня, когда кругом умирают с голоду?»

Сегодня все дружно за работу. Нечего думать крестьянам местностей, пострадавших от неурожая, чтобы переселяться в другие земли, ведь неурожай охватил земли плодородные не только от того, что там засуха, что земля плохая, а оттого, что все хозяйство было поставлено неправильно. Бросить сейчас хозяйство, перейти в чужую землю, а сам с голыми руками приниматься на новом месте, не имея уверенности, что неурожай не подкосит последние силы? А скот, который должен погибнуть в пути?.. Нет, надо на том же месте начать восстанавливать хозяйство, сколько можно, вспахать, сколько можно, посеять. Советская власть должна будет помочь и сделать все, что в ее силах, для того, чтобы помощь в таких местностях крестьянам оказать. И она это сделать может только тогда, когда все крестьяне и рабочие ей помогут. Советская власть кое-что может купить за границей, хотя там много врагов, которые мешают в этом, хотя наши железнодорожные пути так слабы, что нам с большим трудом можно подвозить голодающим местностям все, что мы могли бы привезти. Вот тут-то особенно сказывается, как нам трудно без густой сети хорошо налаженной железной дороги. Советская власть организует в городах комитеты помощи, но она обращается к вам и говорит: «Вы сами должны создать всюду такие комитеты взаимопомощи. В каждой деревне, в каждом селе точно так же, как рабочие создадут их в каждой мастерской, на каждой фабрике, на заводах, во всех учреждениях». И пусть каждый вложит в это дело все то, что он может: хлеб, овощи, другие продукты. Пусть рабочий изготовит необходимые крестьянину предметы для того, чтобы их можно было отправить в урожайные губернии для товарообмена, и в неурожайные губернии для бесплатного снабжения населения, пострадавшего от голода. Пусть любой советский служащий помнит, что он обязан в эти грозные дни работать не так, как он привык работать, с прохладцем, а так, как надо работать в военное время, ибо мы должны будем провести величайшую экономию, бережливость, сократить число служащих, убрать лишних, чтобы не было дармоедов, лодырей, шкурников, которые сидят, бездельничают на готовых хлебах. Пусть крестьяне и рабочие укрепят сейчас свои организации — потребительские, промысловые и сельскохозяйственные кооперативы, которые им окажут в этом деле большую помощь. Пусть они общими дружными усилиями в голодных местностях примутся устранять общественные столовые, питательные пункты, бараки для заболевающих заразными болезнями, и пусть рабочие и крестьяне из урожайных местностей придут на помощь в этом деле всем, чем они могут. Здесь все пригодится: лишний аршин ткани, лишняя пара белья, какое-нибудь оставшееся в доме лекарство, несколько фунтов сухарей или других продуктов—все пойдет в дело.

Особенно, конечно, должны в этом деле принять участие коммунисты и в городах, и в деревнях. Стыдно им будет, если они будут здесь не на первом месте. Когда на фронте приходилось тяжело и центральный комитет российской коммунистической партии кликал клич, то тысячи коммунистов отправлялись на фронт по первому зову и шли на самые опасные места. Так и здесь. Надо, чтобы все откликнулись и пошли добровольно на самые опасные места помочь голодающим. И пусть крестьянин лишний раз убедится в том, что коммунисты умеют бороться с самыми страшными врагами, которые мешают счастью рабочих и крестьян. Суровая задача выпала на их долю, они не знали почти ни одного дня покоя. Приходилось иногда жестокими средствами укреплять Советскую власть, но крепка сила коммунистической партии, и она на своем пути не склонила своего знамени, потому что в этом было спасение Советской республики. И сейчас мы, коммунисты, знаем, что спасение Советской республики заключается в том, чтобы не дать погибнуть крестьянскому хозяйству, огромным пространствам России, пострадавшим от неурожая. Спасение ее еще больше заключается в том, чтобы не только побороть этот голод нынче, но чтобы вырвать с корнем причины, порождающие голод в стране, почти через каждые два года, то в одном, то в другом ее углу. Спасение рабоче-крестьянской России в том, чтобы создать хозяйство на иных началах, с которых и [illegible] раньше.

Пусть каждый крестьянин подумает об этом, и он увидит, что это так. Я знаю, мне могут сказать, что вот, ведь, нет же таких страшных голодовок в других странах? Да, таких страшных голодовок нет в других странах, потому что что там хозяйство лучше поставлено, но голод существует во всех странах. В самых богатых, где хозяйство богатых крестьян, помещиков поставлено на большую высоту, рядом с ними бок-о-бок живет крестьянская беднота, полубатраки и батраки. И таких миллионы, которые живут впроголодь, работая на других. Рабочий класс во всех капиталистических странах из года в год терпит страшную нужду от безработицы, и сейчас по всем миру около двадцати миллионов безработных с их семьями семейства живут самой ужасной голодной жизнью. Дети, подростки, жены торгуют своим телом для того, чтобы не умереть с голоду. И, конечно, и в этих странах голод может быть уничтожен только тогда, если там средства и орудия производства, все фабрики и заводы будут находиться в руках трудящихся, а не в руках паразитов.

Чем же мы можем помочь этому? А тем, что мы всему миру покажем, что вот, после стольких лет работы, после четырехлетней страшной мировой войны, после блокады и всей этой нищеты, в которую нас ввергли наши враги, мы все-таки в силах справиться с таким страшным врагом, как голод, и не только справиться, но и укрепить наше хозяйство. Тогда враги наши потеряют всякую надежду на то, чтобы нас погубить, а наши друзья, трудящиеся всех стран, будут еще более дружно бороться за то, чтобы восстановить во всем мире царство труда.

Помните, крестьяне, что путь окончательной победы над голодом, правильный путь, только один этот. Если пойдете по всякому другому пути, все равно не избежать народу голодовки через год, через два, через три. Если пойдете этим трудным путем, то однажды мы все препятствия преодолеем и выйдем на светлую дорогу, [illegible] через [illegible], а [illegible] на [illegible]. Найти [illegible] пути крестьянин [illegible] на крепкую могучую рабочую организацию, на Советскую власть.

ЕМ. ЯРОСЛАВСКИЙ

...обирают их, уезжая о награбленным.

Местные рабочие группами заключают контракты и выезжают в разные места Республики.

На рынке хлеб доходит до 7 тыс. р. пуд при одновременном обесценении товаров и готовых вещей. За пуд ржаной муки (сеянка) легко приобрести около 40 арш. мануфактуры или пару (костюм), или 2 самовара среднего размера и т. д.

Через 1½ месяца будет сев озимых. Семян нет. Крестьяне во многих местах полагают запахивать «ржаницу», т.е. старые полосы скошенной ржи, надеясь, что растерянная при косьбе рожь «все же что-нибудь даст».

Положение отчаянное. И это заставило многих использовать реки, ручьи и вести интенсивное огородное хозяйство. Роют канавы, ставят запруды, плотины, шлюзы и используют для поливки воду. Учатся в отчаянии новым формам обработки, но это уже поздно и даст незначительное улучшение.

И. Анимов.

Самарская губ.

Из Самарского уезда.

Самарский уезд, бывший прежде производительным уездом для многих мест России, был сильно подорван, благодаря неурожаю 1920 года. Выполнения здесь разверстка, сделала положение еще более тяжелым. Еще в феврале выяснился продовольственный кризис как в запасах продорганов, так и у крестьян.

Посевная кампания происходила при огромном продовольственном напряжении, благодаря чему удалось засеять по уезду 80% приготовленной под яровое земли. Эта часть была не более ¼ посева 1915 года. Сев кончился, 1-го мая. И вот с самой ранней весны уезд не видел ни одного дождя до 7 июня. Рожь, совершенно плохая с осени, от весенней засухи пропала совершенно. Во всем уезде нет ни одного загона, на котором можно было бы собрать хоть загубленные семена. Это положение привело в паническое состояние крестьянское население, и вся агитация за сомет раннего пара пропала. Крестьяне, не имея семян ржи и не доверяя, что получат их от государства, не стали парить совершенно. Спарили пары и ждут семян через государство из других губерний совхозы и колхозы.

Яровое, вышедшее с апреля, не по годам хорошее, в конце мая, благодаря засухе, стало желтеть и быстро колоситься, а выколосившись—засыхать. Так рухнула надежда на пшеницу и овес. В первых числах июня появилась кобылка, которая в настоящее время поедает окончательно всякую зелень, особенно пшеницу. К настоящему времени осталось одно только долготерпеливое просо, которое при условии хотя одного дождя даст средний урожай.

Многие крестьяне уезда едят желуди, муку делают из молодой липы, парят, прессуют щавель и едят вместо хлеба.

Рабочие и крестьяне других губерний, придите на помощь голодающим братьям!

Гальцкий.

Немкоммуна.

Хозяйство области немцев Поволжья базируется, главным образом, на сельском хозяйстве и на мелкой кустарной промышленности. Всегда эта хлебная область вывозила большое количество зерна. Справилось бы население и с настоящим урожаем. Но ряд тяжелых обстоятельств, бивших с разрушительной силой за последние два года по хозяйству области, превратили неурожай в грозное бедствие. Неправильная информация центральных органов о хозяйственном и политическом состоянии области в 1919—20 г.г. сделала то, что здесь, кроме основной разверстки, была еще дважды проведена дополнительная разверстка, превышавшая почти вдвое основную. Реализация ее местными продорганами, недостаточно считавшимися с бытом и психологией населения, внесла деморализацию, которая выразилась прежде всего в сокращении площади посевов. Урожай в 1920 году был очень плохой, в среднем 5 пудов с десятины. К 20—21 году старых запасов почти не осталось. С величайшим напряжением был произведен посев (на сокращенной площади), но новый, еще более страшный неурожай докончил все надежды. Теперь Немкоммуне, вступившей в печальную семью голодных поволжских губерний, нужна помощь, и помощь скорая и умелая. Урожай нынешнего года—3—5 пуд. с десятины—уже собран и у большинства с'еден. Можно теперь же помочь доставкой рыбы из Астрахани. Но самая насущная необходимость заключается в обеспечении семенами для засева озимого клина. Только полный засев спасет хозяйственную мощь области.

А. Ш—р.

Башкирская республика.

По полученным сведениям в Башреспублике насчитывается свыше 200 тысяч голодающих, количество которых все увеличивается. На почве голода развиваются эпидемии, в том числе холера. 2-й всебашкирский с'езд советов, Башцик и Башсовнарком вынесли такие постановления:

Срочно приступить к организации общественных работ, обратив внимание на еще не законченный лесосплав, лесозаготовки, заготовки корья и пр.

Организовать массовое общественное питание детей, инвалидов и стариков.

Организовать изоляционные пункты, бараки, летучие медицинские отряды.

Для осуществления этих мероприятий, за отсутствием запасов продовольствия и денег, обратиться в ВЦИК за соответственной помощью.

Симбирская губ.

Из Сенгилеевского уезда.

В нашей Борлинской волости озимые хлеба в совершенно плохом состоянии, а яровые и вовсе не взошли. Пробный обмолот, произведенный волостной комиссией, дал с площади в 400 кв. саж. 15 фунт. тощего, непригодного для обсеменения зерна. Теперь нечем обсеменить паровой клин на 1922 г. В прошлом году у нас был плохой урожай, и из него пришлось покрыть разверстку, так что на продовольствие населения осталось совершенно недостаточно. Недостаток хлеба почувствовался у нас еще с февраля, а теперь начался голод. От засухи травы выгорели, погибли, чем теперь кормить скот? Он уже начал падать.

Крестьянин.

Нижегородская губ.

Из Княгининского уезда.

Засуха, начавшаяся с самого таяния снега, поразила прекрасные цветущие всходы, дававшие надежды на большой урожай, и поля теперь приняли жалкий, печальный вид. За все время прошло только три дождя: в середине мая маленький, только прибил пыль; в конце мая такой же, и затем еще один, который шел 3 часа и смочил пашню на полвершка, но зной и горячий ветер высушили влагу в какие-нибудь 5—6 час. Теперь под палящими лучами солнца сгорают хлеба, с каждым днем замечаются на полях все больше и больше белые плешины сгоревшего хлеба, которые час от часа все увеличиваются. Поздние культуры еще не показываются и не покажутся, если не будет дождей. Картофель на хороших навозных загонах дал ростки до 2—3 вершк., а на других едва заметные всходы. На лугах вид ужасный. Трава совершенно посохла и пожелтела и ломается под ногами, как хворост. Лишь по берегам речек (разлива нынешней весной не было) трава едва достигла 2 вершк., и эта трава служит единственным кормом для скота. Покосов совершенно не будет: косить нечего. Для обследования полей и лугов была создана комиссия, которая установила, что озимые в громадном большинстве совершенно погибли, на яровом поле всходов нет, а зерно повреждено засухой, и даже, если бы был дождь, всходов уже ожидать нельзя. Луга все высохли и даже если будет дождь, покосов не будет.

Сторожевой.

На помощь голодающим.

Красный Петроград—голодающим.

ЧТО ДЕЛАЕТСЯ ДЛЯ ОКАЗАНИЯ ПОМОЩИ.

Вопрос об организации помощи голодающим ставится в порядке срочности в рабочих районах Питера.

Вслед за постановлением и призывом Пленума Совета Профсоюзов вопрос о немедленной организации дела помощи голодающим ставится на обсуждение товарищей отдельных заводов, фабрик и учреждений.

Общее собрание служащих Финотдела Петроградского Губисполкома, заслушав доклад о тяжелом голоде, постигшем целый ряд губерний республики, единогласно постановило ежемесячно производить отчисление в размере однодневного заработка, а для получающих персональные ставки трехдневного заработка в пользу голодающих до окончания голодного бедствия.

Работа по организации помощи голодающим идет и в уездах Петроградской губернии. Как отклик на обращение ВЦИК, Пленум Ораниенбаумского Совета постановил принять все меры к организации в уезде всемерной помощи голодающему населению Юго-Востока республики. Всем членам Совета вменено в обязанность, а равно всем сознательным гражданам предлагается раз'яснить менее развитым слоям населения крайнюю необходимость немедленной и реальной братской помощи голодающим районам. Уездному исполкому поручено немедленно организовать по всему уезду сбор пожертвований натурой и деньгами в пользу голодающих. Проведение практических мероприятий поручено особой комиссии, которой предложено в трехдневный срок разработать план кампании помощи голодающим.

(Р. В. П. Москва).

2,000 ДЕТЕЙ ПОВОЛЖЬЯ—В ПИТЕР.

На заседании Петроградского исполкома, товарищ Кузьмин в докладе о народном образовании Петроградской губернии сообщил, что в связи с неурожаем в Поволжье, предполагается принять в детские учреждения Петрограда 2,000 детей из голодных губерний.

МОСКОВСКИЕ ПЕКАРЯ—ПЕРВЫЕ В ЦЕПИ НАСТУПАЮЩИХ.

На полях Поволжья выросло чудовище, беспощадно расправляющееся с человеческой жизнью. Рабочему классу России не впервые напрягать силы, строится в колонны для борьбы за свое существование. Но если до сих пор на наших врагов мы наступали и побеждали винтовкой и пушкой, то этого врага—винтовкой не возьмешь. Эту элементарную истину хорошо усвоили московские пекаря. А усвоив, принимают конкретные меры. Вот их результат:

Фабрика бывш. Сиу путем устройства вечера отдает 400.000 руб.; дети рабочих фабрики Сиу, находящиеся в колонии при ст. Краскова, получившие из средств завкома на улучшение питания 100.000 руб.—отдают их голодным детям Поволжья. Пекарня 19 постановила в течение 1 месяца удержать ежедневно от своего пайка ½ ф. хлеба и 2-недельный заработок. Пекарня 11—½ фун. хлеба с рабочего в течение недели и месячный оклад жалованья. Пекарня 20—½ ф. хлеба с рабочего в течении недели. Пекарня 22—3 фун. хлеба с рабочего за неделю. Пекарня 17—¼ фун. хлеба с рабочего в течение 2 недель. Пекарня 1—½ фун. хлеба ежедневно от рабочего на неопределенное время.

Наступление на голод началось первой цепью пекарей.

К какой колонне намерены примкнуть кондитеры, нукомолы и колбасники?

М. Антонов.

По России.

НА ПОМОЩЬ ГОЛОДАЮЩИМ.

ПСКОВ, 20 июля. Курсанты псковских пехотных курсов, в количестве 50 человек, после работ на субботнике, весь полагавшийся им за работу продпаек постановили отчислить в вспомогательный фонд для нужд населения районов, пострадавших от неурожая.

СИМБИРСК, 19 июля. В Симбирске закончилась губернская конференция РКП. Конференцией поручено вновь избранному губернскому комитету партии обратить самое серьезное внимание на дело помощи голодающему населению пострадавших от неурожая губерний России, а также и принять все меры к приобретению семян для нового посева.

Симбирский губисполком возбуждает ходатайство перед центром о разрешении части земледельческого населения губернии в связи с продовольственным кризисом переселиться в более хлебородные районы. (РОСТА).

По Москве.

На Государственном заводе № 5.

Общее собрание рабочих и служащих завода после доклада своих представителей о поездке в Белгород за продовольствием, единогласно постановило оставшуюся сумму денег, около миллиона рублей, несмотря на собственное тяжелое положение, пожертвовать в пользу голодающих крестьян Поволжья.

Красноармейцы N-го полка.

На общем собрании красноармейцев N-го полка 3-й роты было единодушно постановлено отчислить 3-дневный паек в пользу голодающих братьев Поволжья.

ДОБРОВОЛЬНЫЙ СБОР.

Рабочие и сотрудники Общежития Коминтерна «Континенталь» единогласно постановили отчислить в пользу голодающих 3-дневный паек и 2-недельное жалованье.

Кроме того открыли добровольный сбор вещей.

Советская власть на борьбу с голодом.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ВСЕРОССИЙСКОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА.

Тяжелое бедствие надвинулось на Советскую Россию. Житница нашей республики—поволжские и часть восточных губерний—поражена неурожаем. Жестокая засуха *пожгла озимые хлеба, часть яровых*, ухудшила урожай трав и огородных овощей. Перед крестьянским населением этих пораженных неурожаем местностей стоит угроза голода. В страхе за свое существование крестьяне-земледельцы не подготовляют засев своих полей, проедая запасы семенного материала.

Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет, призывая трудовое крестьянство этих губерний начать немедленную подготовку озимого посева и обратить все зерно, полученное от скудного урожая, на обсеменение, заявляет, что рабоче-крестьянское правительство примет все меры к удовлетворению продовольственных нужд губерний, пораженных неурожаем.

В интересах наиболее действительной борьбы с недосевом, Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет постановляет:

1. Снять государственный натуральный налог с озимого клина в следующих, пораженных неурожаем, губерниях: 1) Астраханской, 2) Царицынской, 3) Саратовской, 4) Трудкоммуны Области Немцев Поволжья, 5) Самарской, 6) Симбирской, 7) Татарской Республики, 8) Чувашской Области, 9) Белебеевском и Бирском уездах Уфимской губернии, 10) Сернурском и Краснококшайском кантонах Марийской Области, 11) Яранском, Уржумском, Советском и Малмыжском уездах Вятской губернии.

2. Учитывая, что в пострадавших от неурожая губерниях имеется местами удовлетворительный урожай, предоставить местным губернским властям проводить продналог в качестве местного налога, понижая установленные общегосударственные нормы в зависимости от высоты урожая в том или другом селении или хозяйстве или совершенно освобождая от него с тем, чтобы весь собранный, в порядке местного налога, хлеб, был обращен исключительно на нужды обсеменения.

3. Использовать в означенных выше губерниях и уездах все годное для обсеменения озимое зерно для посева, не допуская ни в коем случае обращения его на другие нужды, для чего селения и отдельные хозяйства, имеющие удовлетворительный урожай, по выполнении ими местного налога и удовлетворении собственной семенной потребности, предоставляют излишки озимого зерна на обсеменение хозяйств, в которых урожай погиб.

Установление форм внутреннего перераспределения, а также возмещения или оплаты отчуждаемых семян предоставляется органам местной власти.

Председ. В. Ц. И. К. М. Калинин.
Секретарь В. Ц. И. К. А. Енукидзе.
Москва, Кремль, 21 июля 1921 года.

ДЕКРЕТ ВСЕРОССИЙСКОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА

о «Всероссийском комитете помощи голодающим».

После семи лет непрерывной борьбы внешней и внутренней, подточившей основы хозяйственной жизни страны, республику постигло тягчайшее стихийное бедствие — неурожай, охвативший ряд наиболее хлебородных губерний. Населению, постигнутого неурожаем района, грозит голод со всеми его ужасающими последствиями. Справиться с этим новым бедствием может лишь об'единенная, согласованная и напряженнейшая работа всех сил народа.

В виду этого Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет постановляет:

1. Учредить Всероссийский Комитет помощи голодающим в целях борьбы с голодом и другими последствиями неурожая.

2. Комитету присваивается знак Красного Креста, каковой обозначается на его печати.

3. Для достижения целей, указанных в § 1, Комитету предоставляется: а) приобретать в России и заграницей продовольствие, фураж, медикаменты и другие предметы, необходимые для голодающего населения; б) распределять материальный фонд Комитета среди нуждающегося населения, пострадавшего от неурожая; в) пользоваться внеочередностью перевозок своих грузов, а также иметь и использовывать свои перевозочные средства; г) устраивать все необходимое для общественного питания голодающих; д) оказывать агрономическую помощь населению в неурожайных губерниях; е) оказывать медицинскую помощь в пострадавших местах; ж) устраивать общественные работы для голодающих; з) собирать пожертвования и вообще принимать другие меры, необходимые для достижения поставленных Комитету целей.

4. Для проведения работ на местах, Комитет в праве организовывать местные комитеты помощи голодающим, открывать на местах свои отделения, а также иметь отдельных уполномоченных.

5. Для привлечения помощи и средств из-за границы, Комитет в праве открывать там свои отделения, содействовать образованию заграничных комитетов помощи голодающим России и командировать за границу своих уполномоченных. Комитету принадлежит право беспрепятственного сношения с названными органами и уполномоченными его заграницей.

6. Комитету предоставляется право обсуждать те мероприятия центральных и местных властей, которые он признает имеющими отношение к делу борьбы с неурожаем и голодом, и входить с подлежащими учреждениями в сношения о согласовании упомянутых мероприятий с его планами. Все учреждения республики, как в центре, так и на местах, обязаны оказывать полное содействие Комитету.

7. Комитет имеет свой бюллетень, посвященный вопросам, связанным с деятельностью Комитета, издает брошюры и плакаты и созывает совещания для обсуждения вопросов помощи голодающим.

8. Комитет пользуется всеми правами юридического лица и может на законном основании совершать сделки и договоры, приобретать имущество, искать и отвечать на суде.

9. Средства Комитета образуются: а) из пожертвований, б) из натуральных фондов и денежных сумм, предоставляемых Комитету государством.

10. Деятельность Комитета не подлежит ревизии Рабоче-Крестьянской Инспекции. Отчет о деятельности и отчет в израсходованных средствах Комитет представляет в ВЦИК и публикует в общее сведение.

11. Первоначальный состав Комитета с председателем его и заместителем утверждается постановлением ВЦИК. Дальнейшее избрание членов Комитета принадлежит самому Комитету.

12. Комитет действует и организуется на основании Положения, утвержденного ВЦИК.

Председ. В. Ц. И. К. М. Калинин.
Секретарь В. Ц. И. К. А. Енукидзе.
Москва, Кремль, 21 июля 1921 года.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ВСЕРОССИЙСКОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА.

Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет постановляет:

Назначить, согласно Положения о Всероссийском Комитете Помощи голодающим, Председателем Всероссийского Комитета Помощи голодающим члена Президиума ВЦИК, председателя Московского Совета Рабочих, Крестьянских и Красноарм. Депутатов тов. Л. Б. Каменева и, заместителем председателя—члена Президиума ВЦИК, заместителя председателя Совета Труда и Обороны—тов. А. И. Рыкова.

Председ. В. Ц. И. К. М. Калинин.
Секретарь А. Енукидзе.
Москва, Кремль, 21 июля 1921 года.

ПОЛОЖЕНИЕ О «ВСЕРОССИЙСКОМ КОМИТЕТЕ ПОМОЩИ ГОЛОДАЮЩИМ».

I.

На основании декрета о всероссийском комитете помощи голодающим утверждается следующий состав комитета: 1) Авсаркисов, Михаил Парсаданович; 2) Бирюков, Павел Иванович; 3) Булгаков, Валентин Федорович; 4) проф. Велихов, Павел Аполлонович; 5) Максим Горький; 6) Головин, Федор Александрович; 7) Гуревич (Смирнов), Эммануил Львович; 8) проф. Дживелегов, Алексей Карпович; 9) проф. Диатроптов, Петр Николаевич; 10) проф. Долгенко, Алексей Григорьевич; 11) Емшанов, Александр Иванович; 12) Зайцев, Борис Константинович; 13) Каменев, Лев Борисович; 14) презид. академии наук Карпинский, Александр Петрович; 15) Красин, Леонид Борисович; 16) Кишкин, Николай Михайлович; 17) Классен, Корнелий Францевич; 18) проф. Кондратьев, Николай Дмитриевич; 19) Коробов, Дмитрий Степанович; 20) академик Курнаков, Николай Иванович; 21) Кускова, Екатерина Дмитриевна; 22) Кутлер, Николай Николаевич; 23) Бухаренко, Михаил Иванович; 24) Лепинский, Александр Павлович; 25) Луначарский, Анатолий Васильевич; 26) Леонидский, Вячеслав Александрович; 27) Литвинов, Максим Максимович; 28) президент академии материальной культуры Марр, Николай Яковлевич; 29) Матвеев, Иван Петрович; 30) Нольде, Александр Александрович; 31) академик Ольденбург, Сергей Федорович; 32) Пауфлер, Николай Евгеньевич; 33) проф. Прокопович, Сергей Николаевич; 34) Родионов, Николай Сергеевич; 35) Рыков, Алексей Иванович; 36) проф. Розанов, Владимир Николаевич; 37) проф. Рыбников, Александр Александрович; 38) Семашко, Николай Александрович; 39) Садырин, Павел Александрович; 40) Смидович, Петр Гермогенович; 41) Сабашников, Михаил Васильевич; 42) Сандерский, Алексей Иванович; 43) Саламатов, Петр Тимофеевич; 44) Смирнов, Никита Ефимович; 45) Станиславский, Константин Сергеевич; 46) вице-презид. академии наук Стеклов, Владимир Андреевич; 47) Теодорович, Иван Адольфович; 48) проф. Тарасевич, Лев Александрович; 49) Тейтель, Александр Владимирович; 50) Толстая, Александра Львовна; 51) Угримов, Александр Иванович; 52) академик Ферсман, Александр Евгеньевич; 53) Фигнер, Вера Николаевна; 54) Фрезе, Петр Францевич; 55) проф. Чаянов, Александр Васильевич; 56) Черкасов, Иван Алексеевич; 57) Шляпников, Александр Гаврилович; 58) проф. Шапошников, Николай Николаевич; 59) Шер, Василий Владимирович; 60) Щепкин, Митрофан Митрофанович, проф.; 61) проф. Ясинский, Всеволод Иванович; 62) Южин (Сумбатов), Александр Иванович; 63) Эфрос, Абрам Маркович.

Комитет открывает свои действия со дня первого собрания комитета.

II.

Органами комитета являются: а) общее собрание членов, б) президиум комитета, в) ревизионная комиссия.

III.

Выборы новых членов комитета производятся общим собранием простым большинством голосов, присутствующих, закрытой баллотировкой.

IV.

Общее собрание созывается: а) постановлением президиума, б) по требованию ⅓ членов, в) по требованию ревизионной комиссии, г) члены президиума участвуют в общем собрании с решающим голосом, д) общему собранию принадлежит общее руководство действиями президиума и решение всех дел комитета, имеющих общее значение.

V.

а) Президиум комитета состоит из назначенных председателя, заместителя его и выбираемых комитетом членов в числе по его определению. Избрание членов президиума производится общим собранием комитета простым большинством голосов присутствующих, закрытой баллотировкой.

б) Президиум действует на основании инструкции и постановлений общего собрания комитета и всецело перед ним ответственен.

в) На обязанности президиума комитета лежит: опубликование и исполнение постановлений комитета и ведение всех текущих его дел.

VI.

а) Приказы и распоряжения комитета или его президиума подписываются председателем или его заместителем и одним членом президиума и скрепляются управляющим делами с приложением печати комитета.

б) Договоры и прочие гражданские сделки совершаются за подписью председателя или его заместителя и одного из членов президиума.

VII.

а) Заседание президиума считается состоявшимся при наличности числа членов по определению комитета.

б) Дела в президиуме решаются простым большинством присутствующих.

VIII.

а) Ревизионная комиссия избирается из членов комитета в числе и составе по постановлению общего собрания комитета простым большинством голосов, закрытой баллотировкой.

б) Ревизионная комиссия действует постоянно по инструкции, утвержденной комитетом.

IX.

Местные комитеты помощи голодающим, а также комитеты заграничные возникают с утверждения всероссийского комитета и действуют на основании положений, издаваемых последним.

X.

Дальнейшая организация всероссийского комитета помощи голодающим и определение распорядка его работ определяются наказом и инструкциями, утверждаемыми общим собранием.

Председатель В. Ц. И. К.
М. КАЛИНИН.
Секретарь В. Ц. И. К.
А. ЕНУКИДЗЕ.
Москва, Кремль, 21 июля 1921 г.

Телеграммы.

В Германии.

СУДЬБА КАБИНЕТА ВИРТА.

БЕРЛИН, 20 июля. (Через Ригу). Несмотря на официальное опровержение сведений об отставке правительства Вирта, «Берлинер Тагеблатт» подчеркивает, что судьба кабинета Вирта в действительности зависит от верхнесилезского вопроса. По мнению газеты, слухи об отставке не являются одним лишь политическим маневром. «Фрейгейт» так же указывает на приближающийся кризис кабинета Вирта. Приезд Керфанти в Париже и его предстоящая поездка в Лондон наводят газету на серьезные размышления. (РОСТА).

Во Франции.

ДЕМОНСТРАЦИИ.

РИГА, 21 июля. По сообщению агентства «Дена», Мюльгаузене 14 июля, в день французского национального праздника состоялись большие социалистические демонстрации. В шествии участвовали многочисленные рабочие со 150 красными знаменами, на которых красовались надписи «Долой милитаризм», «Да здравствует Интернационал».

Около 20.000 текстильщиков продолжают бастовать. (РОСТА).

ФОШ ГАСТРОЛИРУЕТ.

РИГА, 21 июля. Газета «Кевал Ануйайтс» сообщает, что маршал Фош в начале августа выезжает в Варшаву. (РОСТА).

В Англии.

МИТИНГ ИНДУСОВ.

БЕРЛИН, 20 июля. (Через Ригу). По сообщению лондонского корреспондента «Вельт...», проживающие в Лондоне индусы, на большом митинге заявили протест против возобновления англо-японского договора, который предусматривает помощь Англии со стороны Японии, в случае восстаний в Индии. На митинге принята также резолюция, требующая бойкот английских в Индии европейских товаров. (РОСТА).

УГРОЗЫ ЗАСУХИ.

НАУЭН, 21 июля. (Радио). По сообщению английских газет, вследствие длительной засухи, водоснабжению Лондона угрожает серьезная опасность. Сегодня 89-й день абсолютной засухи в Англии. Власти принимают строгие меры для более правильного распределения воды. (РОСТА.)

ПОШЛИ НА СОГЛАШЕНИЕ.

Английские горнорабочие решили согласиться на понижение заработной платы на 2 шиллинга в день. (РОСТА).

В Италии.

ОБОСТРЕНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ.

РИМ, 18 июля. (Через Ригу). Гражданская война в Италии продолжает обостряться. Из разных мест идут сообщения о большом количестве убитых и раненых. Всюду фашисты громят пролетарские организации социалистов. (РОСТА).

В Швеции.

К ТОРГОВОМУ ДОГОВОРУ С РОССИЕЙ.

СТОКГОЛЬМ, 21 июля. (Через Ригу). Газета «Свенска Моргенбладет» пишет, что в шведских промышленных кругах возникает опасение, вызванное русского рынка Англией и Германией, с которыми Советская Россия уже заключила торговые договоры. Среди шведских кругов и промышленников господствует мнение о необходимости немедленного заключения договора с Советской Россией. (РОСТА).

В Румынии.

ДОГОВОР С ЮГО-СЛАВИЕЙ.

ОДЕССА, 18 июля. «Дачия» от 13-го июля приводит из правительственного вестника полный текст договора Румынии с Юго-Славией. Целью договора является взаимная поддержка трианонского и других договоров. Стороны обязуются оказывать друг другу военную помощь и не заключать договора или союза с третьей державой без ведома своего контрагента. Срок действия конвенции два года. (РОСТА).

СОГЛАШЕНИЕ С ПОЛЬШЕЙ.

НАУЭН, 21 июля. (Радио). «Пти Паризьен» сообщает главнейшие пункты румынско-польского договора, согласно которому оба государства, обязуются взаимно помогать друг другу в случае ничем невызванного нападения на нынешнюю восточную границу одного из них. Оба государства обязуются, кроме того, действовать в полном согласии в вопросах внешней политики по отношению к их восточным соседям. Соглашение заключено на пять лет. (РОСТА).

ОДЕССА, 18 июля. «Универсул» от 13 июля приводит выдержки из речи Ионеску, касающиеся союза Румынии с Польшей. «Этим договором, заявил министр, мы обеспечиваем свои границы с востока, и, в частности, нашу днестровскую границу. Мы заключили на этот предмет и военную конвенцию, которая, однако, не подлежит оглашению». (РОСТА).

В Верхней Силезии.

ПОСЫЛКА НОВЫХ ВОЙСК.

ЛИОН, 21 июля. (Радио). По полученным сведениям, командующий французскими оккупационными войсками Рейнской области, получил распоряжение о подготовке двух дивизий пехоты и кавалерии к отправке в Верхнюю Силезию. Управлению верхнесилезских железных дорог предписано войти в переговоры с германскими дорогами о беспрепятственной перевозке этих войск. (РОСТА).

К ПОСЫЛКЕ ИТАЛЬЯНСКИХ ВОЙСК.

РИГА, 21 июля. Агентство «Дена» сообщает из Цюриха о предстоящей посылке двух итальянских полков в Верхнюю Силезию по просьбе Франции. (РОСТА).

ЖИЗНЬ ЗАМЕРЛА.

РИГА, 21 июля. По сообщению Л. Т. А. от 20 июля из Берлина, Корфанти по прибытии в Париж заявил представителям печати, что необходимо немедленное разрешение верхнесилезского вопроса. Промышленная жизнь в Верхней Силезии замерла. По мнению Корфанти, немцы подчинятся решению Верховного Совета. (РОСТА).

ВОЗМОЖНОСТЬ НОВОЙ ВОЙНЫ.

ЛОНДОН, 20 июля. В передовой статье «Таймс», посвященной верхнесилезскому вопросу, указывается, что из-за Верхней Силезии в восточной Европе может возникнуть новая война, и что в эту войну будут втянуты как Германия, так и Россия и Польша.

В Японии.

СТОЛКНОВЕНИЕ С ПОЛИЦИЕЙ.

ИРКУТСК, 9 июля. (Замедлена доставкой). В Токио произошло серьезное столкновение между бастующими рабочими кораблестроительного дока и японской полицией. (РОСТА).

В Латвии.

ВЛИЯНИЕ КОММУНИСТОВ В ПРОФДВИЖЕНИИ.

РИГА, 21 июля. «Латвияс Сарго» сообщает, что латвийское центральное бюро профсоюзов постановило в ближайшем будущем созвать с'езд профсоюзов Латвии, в виду раскола на последней конференции профсоюзов. По заявлению газеты, с.-д. партия постановила пойти на уступки коммунистам в профессиональном движении и даже предоставить им руководящую роль.

РИГА, 21 июля. «Брива Земе» сообщает, что профессиональные союзы в Риге, симпатизирующие коммунистам, предполагают издавать коммунистическую газету. Для этой цели в профессиональных союзах происходит сбор денег. (РОСТА).

На Дальнем Востоке.

КРИЗИС МЕРКУЛОВСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА.

ЧИТА, 13 июля. (Дальта). Кризис власти во Владивостоке принимает хронический характер. Меркуловская банда официально открещивается от Семенова, но, чувствуя за ним каппелевскую силу, продолжает стараться мирно ликвидировать конфликт. При последнем свидании Меркулова с Семеновым соглашения не достигнуто. В беседе с черносотенным журналистом Семенов заявил, что переворот был сделан Меркуловым по его директивам и на его деньги; Меркулов поспешил опровергнуть это, подтвердив, однако, получение от Семенова 25 тысяч руб. на организацию несоциалистического с'езда, обошедшегося в 75,000. Семенов продолжает давать распоряжения; на пароходе его посещает много меркуловских чиновников. Меркулов по прямому проводу усиленно приглашал Гондатти занять высокий пост в Приморье, но последний от этого категорически отказался. (РОСТА).

ТРЕВОГА МЕРКУЛОВЦЕВ.

ЧИТА, 13 июля. (Дальта). Реакционная газета «Джапан Таймс» пишет: «Нет сомнения, что с уходом японских войск каппелевцы будут стерты с лица земли. Известно, что меркуловское правительство хлопочет об отмене эвакуации на неопределенное время». (РОСТА).

Широкая конференция зав.-месткомов

В Колонном зале Дома Союзов состоялась широкая конференция фабзавкомов, месткомов, губотделов и пленума МГСПС.

Тов. Лозовский сделал на этой конференции доклад о красном Интернационале профсоюзов, ознакомив конференцию с работами конгресса и указал на роль и значение конгресса в области международного профдвижения. Несмотря на то,—говорит тов. Лозовский,—что на конгрессе профсоюзов были разные течения, достигнуто полное единодушие по основному вопросу о взаимоотношениях между Интернационалом профсоюзов и Коммунистическим Интернационалом. Конгресс высказался за согласование всех действий Интернационала профсоюзов с Коммунистическим Интернационалом. Затем докладчик подробно ознакомил конференцию с рядом вопросов, рассмотренных конгрессом, а также и с принятыми по ним резолюциями.

По этому докладу конференция приняла резолюцию, в которой, приветствуя первое международное об'единение красных профсоюзов, выражает убеждение, что делегаты, вернувшись в свои страны, поведут еще более решительную борьбу за полное восстановление торговых сношений с Советской республикой и поведут борьбу с капиталом до полной победы рабочего класса и установления республики советов во всем мире.

Со вторым докладом о холерной эпидемии и об участии профсоюзов в борьбе с нею, выступил доктор Кап.

По этому докладу конференция приняла резолюцию, в которой призывает профсоюзы, фабзавкомы и месткомы к энергичному содействию Московскому Совету и его комиссиям в проведении оздоровительных и противоэпидемических мероприятий.

В заключение тов. Павлов сделал доклад о помощи пострадавшим от неурожая губерниям.

В связи с этим докладом конференция утвердила воззвание Московского рабочего комитета помощи голодающим, образованного при МГСПС. В этом воззвании раздается призыв к созданию на всех предприятиях организаций помощи голодающим, в которых каждый рабочий, каждая работница и каждая их группа могли бы свободно явить свою инициативу.

ХРОНИКА.

ДВИЖЕНИЕ ХОЛЕРЫ.

С начала эпидемии в республике отмечено 34,919 холерных случаев. Наибольшее число заболеваний падает на июль. В Москве: с 10 по 16 июля было 21 сл. Из всех заболевших в Москве—50 проц. приезжих из приволжских городов и Донбасса. По Московской губ. новых очагов не отмечается. В уездах—единичные случаи. Петербург считается вполне благополучным по холере. За все время отмечено 6 заболеваний.

За последние две недели в общем наблюдается уменьшение под'ема холеры. Высказываются предположения, что этому способствовали холодная погода и меры борьбы с холерой.

— **Профсоюзы и хозяйственное строительство.** Президиум ВЦИК передал на заключение ВЦСПС проект законодательного постановления о привлечении профсоюзов и широких рабочих масс к делу хозяйственного строительства республики. Сущность этого проекта сводится к тому, что все вопросы производства, рассматриваемые в Советах Народного Хозяйства, должны обсуждаться совместно с представителями соответствующих производственных союзов. Проект распространяет это правило также на Совнарком и СТО. С другой стороны, проект обязывает коллегии или единоличных заведующих производственными отраслями и отдельными предприятиями делать доклады и отчеты о своей деятельности по требованию соответствующего профсоюза или завода на с'ездах, конференциях, делегатских и общих собраниях рабочих.

— **Снабжение учащихся.** Президиум ВЦСПС установил необходимость забронировать для школ фабрично-заводского ученичества 8.000 пайков и поручил представителю ВЦСПС в комиссии по рабочему снабжению провести этот вопрос в первую очередь.

— **Открытие завода-лагеря.** Главное управление принудительных работ силами заключенных лагерей отремонтировало и пустило в ход второй крупный кирпичный завод, являющийся одним из наилучше технически оборудованных заводов.

СЕГОДНЯ В ТЕАТРАХ:

2-й театр МОНО—«Чудушка»; Центральная арена Пролеткульта, Зеркальный зал—«В нашем»; сам. т.—«Фавн»; Сад Аквариум: Закр. т.—«Стакан воды»; Откр. т.—«Обозрение 1920 года»; Театр им. Алексеева—«Вечер легкой комедии»; Художественный—«Вечер студии Станиславского».

Партийная жизнь

МОБИЛИЗАЦИЯ 500 ОТВЕТСТВЕННЫХ РАБОТНИКОВ.

Мобилизация 500 ответственных работников заканчивается на этой неделе. Недостающих до цифры 500 товарищей предполагается мобилизовать after перепиcов ответственных работников. Мобилизации коснулась 86 ячеек. По данным 11 июля было ... районами 566 товарищей, из которых мобилизовано центральной тройкой 376.

Из числа мобилизованных 180 товарищей уже направлены в Ц. К., 12 на Московскую работу и освобождено 92 человека, не явилось 50 (из них 35 без указания причин). Ходатайства учреждений и личные были поданы о 70 товарищах. Больше половины ходатайств отклонено. В число 180, отправленных уже в Ц. К., входит также и 8 мобилизовавшихся добровольно и 21 мобилизованных взамен намеченных районами.

Инф. отд. М. К. РКП.

ИЗВЕЩЕНИЯ.

Извещения принимаются только до 2 час. дня.

Моск. к-т РКП извещает, что товарищи, мобилизованные на проведение кампании о Губпартконференции и о Губернском с'езде советов распределяются по уездам следующим образом:

Богородск—Мельничанский (МГСПС), Яущинский (МКХ); Бронницы—Миньков (МК), Клоз (МК); Верея—Логинов Ант. (МК), Знаменский (МОНО); Волоколамск—Трилиссер, Павлов (МГСПС); Дмитров—Дьяконов, Афонин; Звенигород—Зайцев Афанасий, Полидоров и Смидович (МК); Коломна—Ландер (МК), Забицкий (МСНХ), Цихон (Баум. район); Клин—Лобковский (МСНХ), Мандельштам (Хам. район); Можайск—Цейтлин (МК, РКСМ); Московский у.—Миников (Замоск. район); Наро-Фоминск—Ухацов (МС); Воскресенск—Артунянц (отд. упр.), Эвентов (МК); Подольск—Скобенников (губ. союз), Киров; Сергиев-Посад—Меркулов (МКХ), Рябовол; Серпухов—Гальперштейн (МСНХ); Щелково—Розенберг (Хам. район), Смирнов (Рев. триб.); Орехово-Зуево—Дрожжин (Моск. Сов.), Барепгольц (МК); Павлов-Посад—Овсянников (Ком. Труд); Руза—Растопчин (МК), Лисицын (МОЗО).

Означенные товарищи должны сегодня, 23 июля, в 10 час. утра, явиться в Московский комитет РКП за получением мандатов и материалов.

За секретаря (подпись).

Конфликтный П/отдел М. К. Р. К. П. приглашает т.т. Грибанова Василия и Кузьмину Нину из Об'единенной Карельско-Олонецкой организации явиться 24 июля, в 14 час. в комн. 8, пом. М. К. Р. К. П. (Б. Дмитровка 15а).

Конфликтный П/отдел МК предлагает т.т. Москвину и Бурзин из Мосбюро Волжского Областного Управления Водтранспортом быть в П/отделе в воскресенье, 24 июля, в 11 часов. (Б. Дмитровка 15а, комн. 8).

ВСЕМ ГУБОТДЕЛАМ ПРОФСОЮЗОВ.

В связи с кампанией по мобилиз. на командные курсы военно-учебн. завед. Республики предлагается всем губотд. послать по три товарища каждый на инструктивный доклад тов. Гусева и Нюриной в Моск. к-те РКП (Б. Дмитровка, 15/а) Зеркальный зал, 28 июля, в 2 ч. д.

ПАРТИЙНЫЕ.

— 23 июля, в 8 ч. сост. общее собран. коммун. румын и бессарабцев, в Зеркальн. зале М. К.

— В Замоскворецком райкоме (Пятницкая, 64) сегодня, 23 июля, в 7 час. веч., созывается собрание Замоскворецкой ... [illegible]

— Хам. р. Р. К. П. 23 июля, в 1 ч. дня, сост. заседан. исполнителя. бюро совместно с завагитпропами К. С. М. и инструкторами в райкоме.

— Отд. работниц Кр.-Пр. р. созыв. 24 июля, в 3 ч. дня, ... конференцию работниц ... [illegible]

— ... [illegible]

— 23 июля назначается субботник Р. К. С. М. совместно с беспартийной молодежью. Явиться в 9 ч. дня, в райком.

— Гор. р. Р. К. С. М. предлаг. всем ячейкам прислать мобилизованных товарищей на командные курсы не позже 25 июля, в 11 ч. утра, в райком. Не прибывш. т.т. будут считаться дезертирами.

— Хамовн. р. Р. К. П. Агит. отд. предлаг. всем агитаторам и лекторам явиться 25 июля, в 7 ч. в., на собрание в агитотд. р.

— М. К. Р. К. П. совместно с бюро комфракции Моск. губотдела всерабземлеса созывает на 29 июля, в 4½ час. дня, в помещении ... общее собрание фракции союза ... [illegible]

— Гор. р. РКСМ предлаг. 23 июля, в 5 ч. в., явиться секретарям ячеек 4 уч. в клуб 11 типографии.

СОВЕТСКИЕ.

— 23 июля, в 12 ч., в отд. инспекции труда ... общее собран. совместно с ... по охр. труда (В. Полянка, 55, 3-й эт.).

— Все клубы, находящиеся на территории Москвы, обязаны ... [illegible] ... Клубы, не зарегистрировавшиеся ... будут ... а правления их ... С. Р. Д. Объявление распространяется на все военные клубы, подчиненные губполитпросветам.

— 24 июля, в 8 час. веч., сост. собрание ... [illegible]

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ.

— В субботу, 23 июля, в 3½ ч. дня, в организационном отделе МГСПС ... [illegible]

— ... [illegible]

ЛЕКЦИИ, КОНЦЕРТЫ, МИТИНГИ.

— ... [illegible] ... Казанск. вокзал, в 9 ч. утра.

РАЗНЫЕ.

— ... [illegible] ... Начало занятий в институте 15 сентября. Согласно декрета СТО от 30 ..., означенные лица должны быть беспрепятственно откомандированы своими учреждениями.

— Временное центральное бюро секции научных работников всерабпроса помещается ... [illegible]

— ... [illegible] ... 1—4 час. дня. Все справки по тел. 2-10-44.

Тираж газеты «Правда» 200,000 экз.

2-я Образцовая газетная типо-графия МГСНХ. Тверская, 48.